

Татьяна П. Крылова

Горький берег солёного моря



16+



Татьяна Петровна Крылова

Горький берег солёного моря

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40512925

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-08584-8

Аннотация

Два года назад Василий уплыл за море. В чужих краях он надеялся заработать денег, чтобы по возвращении добиться согласия на брак с любимой.

Два года Анна надеялась и верила, что ее Вася вернётся. Чувства не угасли в разлуке, и от того решение родителей выдать ее замуж за родовитого дворянина особенно больно ранило девичье сердце.

Как принять чужую волю и простить себе предательство? Возможно, утешение стоит искать в словах старой Матрёны, нагадавшей желанный брак в свой черед.

Содержание

Пролог	4
Глава 1 (Анна)	10
Глава 2 (Василий)	24
Глава 3 (Олег и князь Леонид)	38
Глава 4 (Анна)	49
Глава 5 (Анна)	64
Глава 6 (Анна)	71
Глава 7 (Анна)	80
Глава 8 (Анна)	98
Глава 9 (Василий)	107
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Татьяна Крылова

Горький берег солёного моря

Пролог

Вспышки света на черном небосводе...

Крики...

Грохот громадных волн...

Крики...

Рев ветра и шум дождя...

Крики...

Треск деревянных балок...

Вновь крики беспомощных людей...

– Держи курс! Держи курс! А, черти, почему болтается парус!? – пронзает пространство голос капитана.

И его слышат. Его слышат все на этом судне. Словно непогода смолкает на миг, на ничтожную долю секунды, давая жалким людишкам шанс спасти себя.

Но ответа нет, никакого действия нет. Каждый слишком занят своим спасением, чтобы услышать, что через мгновение они могут погибнуть все.

Порывы ветра становятся сильнее. Будто лапы жадного до

крови зверя они вонзаются в тонкую белую материю и тянут, тянут, тянут ее...

Вдруг какой-то матрос замечает атаку монстра. Он смотрит на капитана, но тот у штурвала, и нет ни секунды, чтобы повторить приказ. Тогда матрос сам принимает единственно возможное решение. Добирается до мачты, карабкается на нее, пытается остановить зверя, вырвать ткань из цепких когтей...

Но уже в следующий миг несчастный срывается и камнем летит вниз, к бездне, которая давно уже поджидает его за бортом. И парус продолжает разматываться, и уже последние тросы рвутся под натиском непогоды...

Капитан пытается удержать штурвал, пытается развернуть корабль, пытается сделать хоть что-нибудь, чтобы суденышко продержалось на волнах до той секунды, когда очередной порыв ветра окончательно оторвет парус. Но заветная секунда никак не наступает.

И вновь непогода смолкает на краткий миг. Только в этот раз она не дает людям шанса на спасение. В этот раз монстр смеется, торжествуя, празднуя свою победу. А мачта, на которой развевается белый флаг, медленно накреняется, замирает, после чего с грохотом падает на кормовую надстройку, лишая судно и штурвала, и того, кто этот штурвал держал до последней секунды.

Повинуясь новому господину, судно медленно поворачивается параллельно волнам, кренится на правый борт...

Через пару минут все кончено. Лишь многочисленные обломки, да тела живых и мертвых напоминают о том, что еще совсем недавно в этом месте бескрайнего океана боролось с волнами дерзкое суденышко.

* * *

Солнечный свет...

Плеск волн...

Ветер играет в листве...

Плеск волн...

Щебетание птиц...

Плеск волн...

Он медленно отрывает руку от песка и закрывает ладонью глаза, прежде чем открыть их. Садится и делает глубокий вдох, убедившись, что он действительно на берегу и все самое страшное осталось... впереди – там, в этом обманчиво спокойном океане, что раскинулся у его ног.

Сделав еще один глубокий вздох, он поворачивает голову вправо, потом влево, внимательно приглядываясь к мусору и обломкам, выброшенным на берег. После того, что случилось ночью, ему меньше всего на свете хочется обнаружить себя на этом берегу в одиночестве.

К счастью, он видит того, кого ищет, совсем неподалеку. Он встает и подходит к человеку (слава Богу, он дышит!), которому помогал почти всю ночь держаться над поверхностью воды.

Он хорошо знает этого человека. Этот молодой красавец

был первым помощником капитана на судне. Он переворачивает человека на спину...

Что ж, красавцем его вряд ли кто-то теперь сможет назвать. Вероятно, во время падения, помощник капитана разможил себе голову, содрав кожу почти с половины лица. Конечно, при должной помощи, его рана быстро заживет. Но шрам останется на всю жизнь.

– Надеюсь, приятель, твоя жена полюбила тебя не за красивое личико, – усмехается мужчина.

Понимая, что бездействовать нельзя, он решает построить укрытие от солнца для раненого, после чего осмотреться вокруг, найти воду, еду, собрать вещи, которые могут пригодиться.

К концу дня становится понятно, что он и его спутник, все еще находящийся без сознания, выброшены волнами на тропический остров...

* * *

Полумрак...

Приглушенные голоса...

Треск поленьев в камине...

Приглушенные голоса...

Шорох ткани...

Приглушенный смех...

Он медленно открывает глаза, стараясь не пошевелиться. Он не хочет привлекать к себе внимание...

– Госпожа, он очнулся! – пронзает относительную тишину

звонкий женский голосок.

Нужды таиться больше нет, и он медленно поворачивает голову. Ему улыбается девушка приятной наружности. Сразу бросается в глаза то, что одета она совсем иначе, чем те, кого он привык видеть: платье очень простое и очень тонкое, рукавов нет, вырез... Слишком большой, чтобы это можно было назвать приличным. Волосы девушки собраны в пучок, поверх которого намотан кусок той же ткани, из которой сшито ее платье.

Продолжая улыбаться, девушка быстро поднимается со своего места, кланяется кому-то и уходит. Несколько секунд он видит лишь пламя в камине, потом его заслоняет другая девушка.

Она тоже одета слишком вызывающе, на его взгляд. Но платье ее выглядит более дорогим, да и держится она куда более высокомерно, чем первая.

– Госпожа? – шепчет он одними губами.

Она улыбается. Приветливо, успокаивающе.

– Вам слишком много пришлось перенести, граф. Но теперь Вы в безопасности. Вам ничто не угрожает, а единственное, в чем Вы нуждаетесь – это отдых. Поспите. Мы поговорим с Вами утром.

Она гладит его по руке, продолжая улыбаться. Потом уходит, оставив с ним служанку на тот случай, если ему что-нибудь понадобится.

Он медленно поворачивает голову и смотрит, как тени

танцуют на потолке, покрытом причудливой росписью. И вновь облегченно вздыхает. Теперь он не просто на берегу, теперь он среди людей. Да, они одеваются странно, почему-то называют его графом, но они говорят на том же языке, что и он, и они могут и хотят ему помочь...

Глава 1 (Анна)

Почти каждое утро Анны начиналось одинаково. Она вставала очень рано. Уже светало, но солнце еще не успевало выглянуть из-за макушек окрестных гор, когда девушка привычно, тайком выбиралась из дома. На улице было прохладно, на траве блестела роса, с моря дул легкий ветерок, наполняя прибрежный воздух солоноватым ароматом. Запахнув плотнее шаль, Анна быстро оглядывалась по сторонам и бежала вниз по улице. Она знала, если отец или мать заметят ее сейчас, то наказание будет крайне суровым. Лишь миновав пару улиц, она оборачивалась, желая вновь убедиться, что за ней нет погони, и сбавляла шаг.

В этот час город только начинал просыпаться. То тут, то там можно было слышать скрип телеги, цокот копыт по каменному мосту. Но людей на улицах пока было совсем немного. Только изредка Анне встречались портовые рабочие и банкиры, которые спешили в ту же сторону, что и она. Некоторые узнавали девушку и смотрели на нее недобрым взглядом, словно предупреждая, что могут донести ее отцу, если она не бросит своих ранних прогулок. Ведь разве это было правильно, чтобы купеческая дочь в столь ранний час шла по улице одна, желая встретиться с человеком, с которым ее разделяло больше, чем просто море?

Впрочем, были и те, кто смотрел на нее с сочувствием,

кто невольно разделял ее боль и страдания, всякий раз, когда Анна приходила на причал и, устремив взгляд на суда на рейде, стояла до тех пор пока последнее из них с приливом не заходило в порт. Судов обычно было немного – два, три, четыре – и свои места у причалов они занимали достаточно быстро. Однако для Анны эти минуты тянулись целую вечность. И еще целую вечность ей приходилось ждать до тех пор, пока первые пассажиры не начинали покидать суда после проверки всех бумаг.

Ожидая их, идущих с конца причала, Анна стояла на берегу, сцепив на груди руки и не переставая молиться, чтобы ее возлюбленный оказался в их числе. А потом спешно убегала обратно домой, потому что не было смысла ждать тех, кто покидал судно последними – ее милого среди них быть не могло. Слезы заливали лицо девушки, с нежных губ слетали проклятья в адрес того дня, когда не смогла она остановить Василия и позволила ему уплыть за море.

С той поры прошло два года. Но каждый день ей казалось, что это было лишь вчера.

– Мне нужны деньги, иначе твой отец не позволит нам пожениться, – сказал ей Василий.

– Разве у тебя нет денег? – удивилась Анна, ткнув пальцем в пухлый кошелек на поясе у сына кузнеца.

– Этих денег так мало, что лишь мы с тобой можем видеть их. Чтобы такой человек, как твой отец, счел меня, по крайней мере, обеспеченным, я должен стать вдвое богаче него, –

улыбнулся Вася.

Поначалу девушка думала, что Вася шутит. Однако он не шутил. Она встретила его через неделю на причале за несколько секунд до отплытия. Он ничего не хотел ей говорить, полагая, что Анне хватит письма, которое он оставил для нее у своего отца. Василий знал, что она не одобрит его идею, что будет плакать и умолять остаться.

– Это мое решение. Это наш с тобой единственный выход быть вместе. Не плачь, любимая. Моя прекрасная Анна, пожалуйста, не разрывай мне сердце, – сказал молодой человек.

Но она все равно плакала, все равно просила его остаться. Потом упала на колени и стала умолять взять ее с собой. Она не хотела его отпускать...

Но он уплыл, оставив ее одну. И тогда она, стоя на причале и плача, поклялась, что будет ждать Василия всю жизнь. Что никто и ничто не посмеет разлучить их больше, чем сейчас это делало море. И лучше она умрет старой девой, чем будет называть супругом другого.

С тех пор ничто не могло ее остановить: ни буря, ни холод, ни запреты родителей. Она обещала ждать его и ждала. Приходила встречать, не теряя надежды, что именно сегодня он сойдет с корабля на родной берег, что обнимет ее, что согреет ее.

Ей говорили, что она сумасшедшая, что напрасно тратит свое время и свою жизнь, продолжая ждать возвращения че-

ловека, который даже не удосужился ей письма за два года написать. Анна не слушала таких людей. И все же иногда, по возвращении домой, девушка почти без чувств падала на свою кровать и, вытирая последние слезинки, думала, что завтра она не сможет прийти на причал. Что сегодня она потратила все силы и все слезы. И лучше было бы поддаться уговорам родителей и оставить бессмысленную борьбу.

Однако на другой день она вновь поднималась до рассвета, тайком выходила из дома и приходила на причал. И слезы бежали по ее щекам, падая в набегающую волну и обретая спокойствие в недрах безумной стихии.

* * *

Дом родителей Анны выделялся в городе. Это был самый новый, самый большой и, на первый взгляд, самый уютный дом в селении. Пожалуй, лишь дом градоначальника мог потягаться с хоромами купца. И, конечно, многие жители города завидовали богатому семейству.

Однако Анне ее жилище совершенно не нравилось. Все в этом доме казалось ей чужим, словно все было одолжено на время и вот-вот должно быть возвращено. Да и места в этом доме было не так уж и много. Как ни старалась девушка, она никогда не могла найти уголка, чтобы побыть наедине со своими мыслями. То приходила младшая сестра с пустым разговором, то родители поручали следить за прислугой, лишь бы дочь не сидела без дела. А порой ей казалось, что кто-то неведомый подкрадывается к ней. Он был везде,

и от него нельзя было спрятаться. Он сочился из всех щелей, смотрел из-за каждого угла и словно постоянно осуждал девушку.

Куда больше нравился Анне прежний дом – тот, которым владел Трофим Георгиевич до своего внезапного обогащения. Анне было лет семь или восемь, когда отец с матерью решили переехать. Но девушка отлично помнила не только расположение комнатушек в старом доме, но даже запахи и звуки: и аромат свежего хлеба, и наваристых кислых щей, и шорох маленького мышонка за стеной, и тихий гул колеса прялки, и вой ветра в камине столовой, который, по словам матери, выдувал деньги из их карманов.

"И лучше бы дул он тогда сильнее, – частенько думала Анна, – чтобы ни копейки в наших карманах не осталось. Чтобы мы с Васей были ровней. Чтобы он не уплыл за море. Чтобы мы смогли быть вместе уже вчера..."

Впрочем, не было смысла сейчас вспоминать о прошлом, о тех днях, когда Анна чувствовала себя свободной и счастливой, и зависела от окружающих и их мнения куда меньше, чем сегодня. Такие мысли нагоняли на нее тоску, а иногда девушка даже начинала плакать, горюя о своей судьбе. Новые слезы же ей сейчас были совсем ни к чему. Надо было скорее переодеться после похода на причал и привести себя в порядок.

Несмотря на внешнее богатое убранство дома, большинство комнат в нем выглядели весьма и весьма скромно. На-

пример, в комнате Анны не было другой мебели кроме той, что была необходима: шкаф, стул, стол, кровать. Справедливо полагая, что если можно внезапно разбогатеть, то и внезапно разориться не составит труда, Трофим Георгиевич не разбрасывался деньгами понапрасну, а вкладывал их в надежные предприятия, надеясь приумножить. Да и на приданое дочерям следовало скопить пару хорошеньких сумм, чтобы брак с ними мог заинтересовать нужных людей.

Девушка села на кровать и вздохнула. Идти вниз — в столовую — совсем не хотелось. В том состоянии, в каком она сейчас находилась, она не желала видеть ни родителей, ни сестры. Не могла спокойно выслушать их обидных замечаний, их запретов, их угроз.

А ведь, что самое удивительное, поначалу, когда они с Василием только познакомились, ни отец, ни мать почему-то не были против их встреч. Они охотно позволяли молодому человеку приходить в гости. И даже благосклонно относились к его подаркам. Анна прекрасно помнила, как на ее шестнадцатилетие Василий подарил ей недорогую заколку, и Дарья Емельяновна выразила одобрение этому подарку.

Но потом они охладели к молодому человеку. Его присутствие рядом с Анной стало нежелательным. И тогда молодым людям не осталось ничего другого, как только встречаться тайно. Убегать в горы, бродить по лесам, по лужкам на крутых склонах и прятаться от летнего зноя и зимних холодных ветров в развалинах церкви на берегу непокорной горной ре-

ки.

Теперь Анна жалела, что не дала согласия Василию сбежать вместе, когда у них был такой шанс. Она как всегда решила, что ее возлюбленный шутит, потому что не могла представить себе, чтобы он думал так смело и опасно. Да и себя, убегающей от родителей, девушка никак не могла представить. Несмотря ни на что она все же была любящей и послушной дочерью.

Тем временем в столовой ждали только ее. Стол уже был накрыт. Родители и ее младшая сестра уже заняли свои места. Они о чем-то разговаривали, но едва Анна отворила дверь, разговор прекратился. Девушка вошла, извинилась за опоздание и села.

Не сказав ни слова, Трофим Игнатьевич велел подавать завтрак. Молчание сохранилось и тогда, когда все принялись за еду. Напряжение повисло в воздухе, и Анна уже готова была сама нарушить тишину, лишь бы только не чувствовать, как оно нарастает.

Впрочем, ей не пришлось усугублять свою вину.

– Ты опять ходила на причал? – спросил отец, искоса поглядывая на Анну.

Девушка дожевала ложку каши и ответила:

– Да.

Отец хотел сказать что-то еще, но решил промолчать. Не к чему было зря сотрясать воздух. Трофим Игнатьевич знал, что перепробовал уже все способы убедить Анну в ошибоч-

ности ее действий. И ни один не помог. Теперь ему оставалось лишь запереть дочь в комнате и никуда не выпускать, но это была крайняя мера и пойти на нее купец пока не отваживался.

В отличие от отца мать всегда ругала Анну и никогда не упускала возможности сделать это еще раз:

– А сколько уже раз мы запрещали тебе ходить? Сколько?

– Много, – тихо сказала девушка, не отваживаясь посмотреть Дарье Емельяновне в глаза.

– Ой, мамочка, ее не перевоспитаешь, – вставила Марина.

Отец строго посмотрел на младшую дочь, и девушка виновато опустила голову. Дарья Емельяновна тоже примолкла. И вновь нестерпимая тишина повисла в столовой. Анна пыталась есть, но кусок не лез в горло. Девушка сложила салфетку и начала вставать из-за стола, но отец жестом велел ей остаться.

– В этом году тебе девятнадцать исполняется. Засиделась ты, милая, в родительском доме.

– А все из-за твоего поведения, из-за этих прогулок на причал! – поспешила добавить Дарья Емельяновна. – В городе ни одного приличного кавалера не осталось, который бы согласился на брак с тобой.

Анна постаралась выглядеть виноватой, но в душе надеялась, что этот упрек станет последней фразой в неприятном разговоре.

– К счастью, папенька, подыскал тебе достойную пар-

тию, – с улыбкой сообщила Марина.

Анна почувствовала, как у нее холодеют руки. Она резко подняла голову и тут же почувствовала легкое головокружение. Должно быть, и лицо ее побледнело, потому что отец смотрел на старшую дочь с заметной обеспокоенностью. И все же это не остановило его от того, чтобы сказать:

– Князь Леонид за тебя сватался. Тот, что из разорившихся дворян, поэтому приданое попросил большое, но... все-таки князь. И я дал свое согласие на этот союз.

Девушка смотрела на отца, чувствуя, что если отведет взгляд в сторону, то вовсе перестанет видеть окружающий мир. Она была в ужасе, она хотела расплакаться, она хотела упасть на колени и умолять отца сказать, что все это глупая, злая, но все-таки шутка. Она не хотела верить в то, что отец действительно может выдать ее замуж за какого-то князя, вопреки ее желанию...

Однако Трофим Георгиевич молчал. На душе у него было беспокойно. Он понимал, как тяжело сейчас его дочери. Но сказать о своих чувствах не смел. Отец знал, что если покажет сейчас свою тревогу, то Анна вновь заговорит о своей жизни, о своей любви, о клятвах, которыми связала себя с сыном кузнеца, и он не сможет не прислушаться к ее словам.

Но Анна ничего не сказала. Известие так шокировало ее, что девушка не смогла даже попросить позволения выйти из-за стола. Бледная, словно призрак, Анна встала и направилась к выходу.

– Как бы она чего не сделала с собой, – прошептала Дарья Емельяновна. – Мариночка, иди присмотри за сестрой.

Младшая дочь послушно встала и покинула столовую. Лишь после этого Трофим Георгиевич смог выдохнуть спокойно.

* * *

Тем временем Марина брела следом за Анной по улицам города, гудящего, словно осиное гнездо. Туда-сюда сновали портовые грузчики с какими-то телегами. Одетые в забрызганные грязью плащи поверх дорожной одежды спешили к порту и прочь от него посыльные. Распродавшие товар торговцы рыбой прямо возле порогов своих домов отмывали телеги. Бегали собаки, гоняли кошек, изредка возле сточных канав попадались крысы.

Марина поначалу морщилась, стараясь не показывать, насколько противно идти ей по улицам в этот час. Потом все же не выдержала и подобно какой-нибудь знатной даме прикрыла нос и рот белым кружевным платком. Впрочем, от вони это ничуть не помогло спастись.

– И зачем надо было тут идти? Ведь есть и другие улицы, ведущие в порт? – спрашивала девушка.

Будь на то ее воля, она бы даже не посмотрела в сторону бедных кварталов, не то, что пошла бы через них к морю. А в том, что сестра ведет ее к морю, Марина даже не сомневалась. И действительно, через несколько минут дома расступились, открывая вид на каменистый пляж, рыбацкие лодки

на нем и набегающие на берег пенные волны. Справа гудел порт, слева полоска пляжа упиралась в скалистые выступы холмов.

Марина поежилась от холода и невольно отругала себя за то, что не взяла какой-нибудь шали, хотя знала, куда приведет ее сестра. Ведь, несмотря на то, что солнце уже всюду светило, на ветреном пляже тепла совсем не чувствовалось.

Прячась от ветра и посторонних глаз, девушка присела на скамейку возле крайнего дома и стала наблюдать за сестрой. Анна холода словно не чувствовала вовсе. Она медленно брела навстречу его порывам, изредка бросая взгляды в сторону моря. На щеках у нее блестели слезы.

– Никогда не позволю себе влюбиться, – прошептала Марина. – Брак – это ведь сделка и ее стоит заключать на трезвую голову.

Вид сестры вскоре наскучил девушке, и она отвлеклась на рыбаков, которые только причалили к берегу и с заметным усилием втягивали на него лодку.

* * *

Анна тоже заметила рыбаков и подумала, что они припозднились – прилив уже почти кончился и через час другой должен был начаться отлив, который задержал бы лодку в море еще надолго. Потом она посмотрела на другие лодки и подумала, что их так много и все они лежат на берегу без присмотра. Потом девушке пришла в голову мысль, что среди лодок есть совсем маленькие и легкие, такие, которые и

ей бы удалось спустить на воду.

Стерев с лица слезы, Анна подошла к одной из них. Взявшись за край борта, девушка попыталась перевернуть лодку, но та оказалась тяжелее, чем выглядела на первый взгляд. Понимая, что ее действия могут привлечь к ней внимание, Анна не стала предпринимать второй попытки. Подобрав ноги, девушка села между бортами соседних лодок и едва слышно шмыгнула носом. Так она просидела минут пять.

Анна могла бы просидеть и дольше, но вдруг почувствовала, что кто-то смотрит на нее. Девушка резко обернулась. Позади нее стояла Матрена – старуха, о которой в городе разное говорили. Кто-то называл ее ведьмой, кто-то – колдуньей, умеющей по волнам на воде и звездам на небе предсказывать судьбу.

Матрена вытянула вперед худую морщинистую руку, постучала по дну ближайшей лодки и спросила:

– Уплыть хочешь?

Голос у нее был неприятный – хриплый, низкий, похожий на глухое карканье.

– Хочу, – ответила Анна.

– Море беспокойное сегодня, – устремив взгляд вдаль, проговорила Матрена. – Буря к вечеру разыграется.

Девушка тоже посмотрела на воду, но никаких признаков приближающейся непогоды не заметила. Тогда она перевела взгляд обратно на Матрену и с ужасом обнаружила, что старуха стоит совсем рядом с ней.

"А что, если околдует?" – мелькнула у Анны мысль, и девушка поспешила поскорее подняться на ноги и сделать шаг в сторону. Справа и слева от нее лежали лодки, так что Анне не осталось ничего другого, как только отойти к морю.

– Родители твои огорчатся, если с тобой беда случится, – продолжала тем временем Матрена. – Особенно отец. Он любит тебя. Да и суженый твой не обрадуется, когда вернется и о гибели твоей узнает...

"Гибели?.." – лишь после того, как Матрена произнесла это слово, Анна впервые поняла, о чем действительно она думала, когда собралась столкнуть лодку на воду. Ведь, в самом деле, не могла она выжить одна в открытом океане на этом хлюпком суденышке.

Но, с другой стороны:

– А разве обрадуется Василий моему браку с другим? Ведь я обещала, я клялась, что дождусь его. А выходит, что продамса за титул какому-то старику-князю. Нет, уж лучше я попытаю удачу и попробую добраться до Васи через море, чем...

Матрена посмотрела на нее так, что слова застряли в горле. Девушка с трудом сглотнула и невольно отступила еще назад. Старуха же лишь улыбнулась, обнажая редкие коричневые зубы. Анна подумала, что лучше будет убежать от нее. Но Матрена оказалась на редкость проворна и ловко схватила девушку за запястье.

– Вот, что я скажу тебе, милая, – прокаркала она, – не пу-

гайся этого брака. Он принесет тебе лишь свободу. Не пугайся и другого своего брака – от него тебе самое главное в жизни останется. О третьем браке мечтай, думай, но не торопи его – он в свой час случится. А когда тот час придет, откинь все сомнения и страхи – иначе не заслужишь ты его.

Выпустив ее руку, Матрена тяжело вздохнула. Помолчала несколько секунд, а потом сказала голосом куда менее зловещим и куда более приятным, чем прежде:

– Ступай, милая, попрощайся с местами любимыми. Поплачь – от слез всегда легче делается. И постарайся понять, что ежели смерть твоя приятнее для твоего возлюбленного, чем твоя жизнь – значит, не любит он тебя вовсе. А если любит, то все тебе простит.

Матрена замолчала, и не дожидаясь, пока она заговорит вновь, Анна бросилась бежать. Не домой – там не могло ей стать лучше после всего услышанного. Анна побежала в сторону гор, туда где никто посторонний не мог нарушить ее одиночества, где лишь ветер и скалы могли слышать ее слезы.

Глава 2 (Василий)

Стояла невыносимая жара. С самого рассвета лучи солнца испепеляли землю и всех, кто рисковал выйти из тени. Василий надеялся, что хотя бы в имении госпожи Юлии будет прохладнее. Однако в гостиной, куда провела его служанка, было не только жарко, но еще и очень душно. Не спасали ни открытые окна, ни фужеры, в которые паж по просьбе любезной хозяйки разливал прохладное вино.

Самой хозяйки пока не было. Служанка передала ее просьбу подождать, и Василию не осталось ничего другого, как только исполнить ее. Или уйти ни с чем, как и предыдущие несколько раз – госпожа Юлия никак не хотела найти времени и желания, чтобы встретиться со своим невольным протеже и наконец поговорить на темы, его интересующие.

Молодой человек сорвал с шеи ленту и расстегнул верхнюю пуговицу. На его родине за такое на дворянина могли посмотреть очень косо. Но здесь, где климат был более жаркий, делались некоторые поблажки как дамам, так и кавалерам.

Он несколько раз прошелся по комнате из угла в угол, чудом не налетев на небольшой столик, на котором стояла ваза с фруктами. Василий был слишком занят своими мыслями, чтобы обращать внимание на предметы интерьера, которые по недоразумению покинули свои привычные места.

Наконец, дверь в гостиную открылась и вместе с поднимающимся сквозняком в комнату вошла госпожа Юлия. Очаровательная хозяйка дома как всегда была одета предельно просто и элегантно. И, в отличие от своего гостя, ничем не показывала, что и ей от жары становится дурно.

– Мой дорогой друг! Как я рада вас видеть. Вам предложили вина? А фрукты?

– Благодарю вас, госпожа. Ваш паж был очень любезен. Несомненно, это вы научили его этому.

Госпожа Юлия протянула руку, позволяя Василию прикоснуться к ней губами. После этого хозяйка отошла к открытому окну и присела на кушетку, чтобы быть ближе к свежему воздуху и подальше от того, кто вот-вот должен был доставить ей неприятности.

– Полагаю, – начал Василий, – нет нужды объяснять, с какой целью я пришел сегодня.

– Нет.

– В таком случае, я желаю услышать ответ на свой вопрос. Когда вы поможете мне покинуть эти места и вернуться на родину, как и было мне обещано еще два года назад?

Госпожа Юлия едва заметно поджала губы. Но ничто более не выдало ее недовольства, как и раньше ничто не выдавало ее реакции на жаркую погоду. Она продолжила сидеть все в той же грациозно-расслабленной позе, чуть откинувшись на подушки. Румянец играл на щеках, придавая некоторую живость обыкновенно бледному лицу. Глядя на это

лицо, Василий не раз ловил себя на мысли, что дворянские корни были заметны в чертах госпожи Юлии куда больше, чем могли изобразить мастера на любом генеалогическом древе.

– Мой друг, вы должны понять, что это не зависит ни от меня, ни от моего мужа. Обстоятельства...

– Черта-с два! – выругался Василий, в порыве чувств швырнув на пол свою шляпу. – Про эти обстоятельства я слышу уже два года! Я не могу больше здесь оставаться! Я хочу домой. Я хочу вернуть свою жизнь!

– В таком случае, вы должны понимать, что как только вы признаетесь в том, что вы не граф Василий Лаврентьевич, ваша жизнь будет кончена. Также как моя и моего супруга! – пожалуй, это был первый раз, когда госпожа Юлия не выдержала и позволила говорить себе на повышенных тонах.

Однако не прошло и минуты, как женщина вновь взяла себя в руки и продолжила уже спокойно:

– Позвольте вам напомнить. В те дни, когда корабль, на котором вы плыли, потерпел кораблекрушение, назвать вас графом и засвидетельствовать это губернатору было единственным способом спасти вас. От смерти и от рабства. Если бы стало известно, что вы – всего лишь сын кузнеца и – более того! – у вас нет документов, вас бы просто не стали больше слушать и сослали на рудники! Я пошла на большой риск, потому что иначе не могла отплатить вам за спасение моего супруга.

– Вы обещали, что этот маскарад продлится пару месяцев, – напомнил Василий.

– Да. Я надеялась, что спустя это время мы сможем выправить вам документы, и вы вернетесь на родину. Но губернатор продолжает "рассматривать" ваши бумаги. И в этом нет моей вины. Вы знаете, что и я, и мой муж делаем все возможное, чтобы...

Она продолжила говорить что-то еще, но Василий ее больше не слушал. Потому что знал, что ничего нового госпожа Юлия не скажет. Все эти слова про бумаги он знал почти наизусть. Без этих бумаг, будь они неладны, он не мог покинуть здешние места, не вызвав подозрения. И что самое ужасное – не подставив под удар людей, которые поручились за него.

Василий поднял шляпу и уже собрался уходить, когда хозяйка окликнула его:

– Мы сегодня даем бал. Приедет губернатор с дочерью. Вы не можете его пропустить.

Молодой человек обернулся. Госпожа Юлия ждала ответа. И хотя этого не было сильно заметно, Василий успел узнать женщину достаточно хорошо, чтобы уловить нотки тревоги, терзающей ее.

– Я приду. Быть может, губернатор согласится отдать мне бумаги, если я обращусь к нему лично.

* * *

Вечером того же дня граф Василий прибыл на бал в лучшем своем наряде. Он легко спрыгнул с лошади, передал по-

водья пажу и подошел к хозяйке дома. Поклонился госпоже Юлии, ее супругу. Андрей Михайлович улыбнулся привычной кривой улыбкой, словно говорившей: "А все же, приятель, тебе везет больше, чем мне". После того кораблекрушения он так и не оправился ни физически, ни морально. Василий подозревал, что хозяин дома и вовсе бы свел счеты с жизнью, если бы не поддержка и любовь супруги.

Закончив с приветствиями, Василий прошел в залу, где уже собрались почти все приглашенные. Кажется, не было только тех, кого больше всего желал увидеть молодой человек – губернатора и его дочери.

А раз пока не было необходимости о делах, можно было позволить себе немного отдохнуть. Тем более, что прохлада в бальной зале и мороженное, разносимое слугами, весьма способствовало этому.

Прохаживаясь вперед-назад, Василий обменивался любезностями с важными людьми, которых госпожа Юлия сочла необходимым позвать на бал. И в который раз он удивлялся тому, насколько быстро можно стать своим в светском обществе, если за тебя поручаются такие люди, как госпожа Юлия. Если они готовы помогать тебе средствами. И если тебе посчастливилось пережить кораблекрушение, на последствия которого можно списать все, что угодно.

Впрочем, пользуясь средствами своих друзей, Василий старался не брать у них больше, чем когда-нибудь сможет вернуть. Он снимал самую маленькую комнатку на одном

из постоянных дворов в городе, одевался скромно, стараясь отдавать предпочтение тому, что выглядело дороже, чем стоило на самом деле. Он не имел своей лошади, чтобы не тратить деньги на ее содержание. А если возникала необходимость, брал лошадь у господина Андрея, принося этим пользу и ему. Ведь после катастрофы хозяин охладел к конной езде, и был рад, когда Василий "разминал по-настоящему" его породистых скакунов.

Через полчаса или около того в балльную залу вошел губернатор Иван Константинович, ведя под руку свою дочь Тамару. Девушку вряд ли можно было назвать красивой и даже привлекательной. От отца ей достались угловатые черты лица, от матери – маленький рост. Но все в один голос твердили, что у дочери губернатора не возникнет проблем с замужеством. И, несомненно, зная какие разговоры ведутся на городских улицах и в комнатах богатых имений, Тамара заметно смущалась и прелестно краснела всякий раз, когда ей предстояло танцевать. Ее вывели в свет лишь полгода назад, когда ей исполнилось семнадцать, и даже Василий понимал, что это было слишком поздно.

Тем временем губернатор поздоровался с теми, с кем посчитал нужным и едва заметно кивнул хозяйке дома, что бал можно начинать. Сам он танцевать не любил и не собирался. Передав дочь на попечение партнеру в следующем танце, губернатор взял бокал вина и вышел на террасу. Это был его шанс, понял Василий и последовал за человеком, от которо-

го зависела его судьба.

Губернатор стоял возле каменных перил, чуть облокотившись на них одной рукой. Другой рукой он медленно подносил к губам бокал с вином, делал крохотный глоток и некоторое время держал терпкую жидкость на языке. Лишь убедившись, что каждая капля божественного напитка превосходна, губернатор делал глоток.

– Добрый вечер, – прервал Василий размышления губернатора.

– И вам, любезный граф, – улыбнулся губернатор в ответ. Василий посчитал это добрым знаком и продолжил:

– Какова судьба моих бумаг?

Иван Константинович вдруг поставил бокал на перила, правой рукой схватил Василия за локоть правой руки, а левую руку положил ему на левое плечо.

– Пойдемте, – сказал губернатор и подвел Василия к двери в залу. Несколько минут он кого-то высматривал в толпе, но так и не заметив, нахмурился и обронил: – Впрочем, это не важно.

Выпустив молодого человека, губернатор предложил ему пройти по террасе.

В течение еще пары минут они шли молча мимо распахнутых дверей, за которыми играла музыка, откуда доносился смех и обрывки разговоров. Наконец, губернатор собрался с мыслями и вновь взял Василия за локоть, явно желая удержать его на максимально коротком расстоянии. Он явно не

хотел, чтобы его слова были услышаны посторонними.

– Мой друг, должен вам сказать, – с заметной улыбкой на губах, заговорил Иван Константинович, – после того, как господин Андрей представил мне вас, я не раз задавался вопросом...

Губернатор сделал паузу, когда они дошли до конца террасы и развернулись, чтобы продолжить путь в обратном направлении.

– Так вот, я не раз задавался вопросом, отчего вы ищите поддержки и помощи у них – пусть и ваших друзей – а не пытаетесь обратиться за помощью к вашему батюшке – достопочтенному Лаврентию Анатольевичу. И я взял на себя смелость написать ему. Надеюсь, вы не будете держать на меня обиду за то, что я сделал это без вашего ведома? Но вы должны понимать, что у меня были веские основания подозревать вас.

Иван Константинович не сказал, в чем именно он подозревал Василия. Впрочем, нужды в этом не было. Молодой человек и сам все прекрасно понял. Как понял он по спокойному тону губернатора и улыбки на его лице, что ответ пришелся ему по душе.

"Любопытно, что же такое мог написать Лаврентий Анатольевич?" – подумал Василий. И в тот же миг у Василия мелькнула в голове мысль о том, что улыбка губернатора может быть подобна улыбке кота, который вот-вот поймает себе на обед пухлую серую мышь.

– И что же вам ответил мой родитель? – осторожно поинтересовался молодой человек.

– Лаврентий Анатольевич был очень любезен разъяснить мне (хотя по тону письма было заметно, что эта тема неприятна ему), что со своим старшим сыном он в ссоре. Общаться с ним не желает, но все же рад, что вы пережили то несчастное крушение.

Василий медленно сглотнул, чувствуя, как сердце его сжимается от внезапной боли. Госпожа Юлия ни разу не упоминала о том, что человек, жизнью которого он теперь живет, погиб в тот день, когда Василий каким-то чудом сумел выжить.

– Вместе с тем Лаврентий Анатольевич был настолько любезен, что прислал мне ваш словесный портрет, дабы я убедился в том, что вы действительно его сын и ответил ему подтверждением. Кроме того ваш батюшка прислал мне копию завещания, согласно которой вы наследуете треть его состояния, вопреки разногласиям, имевшим место между вами.

Губернатор говорил, говорил, говорил... А Василий больше всего на свете хотел сейчас же покинуть его общество, покинуть гостеприимный дом и бежать в порт, чтобы на первом же корабле отплыть куда глаза глядят. Лишь бы оказаться подальше от той трясины, которая затягивала его все сильнее с каждым новым словом Ивана Константиновича.

Когда губернатор закончил свой монолог, они как раз остановились возле перил, и Василий с радостью оперся на

них, чувствуя, как силы вот-вот покинут его.

– Позвольте узнать, с какой целью вы так подробно рассказываете мне об этом? Уж не хотите ли вы обрадовать меня, что мои документы готовы и я могу получить их?

– Мой друг, вы мыслите слишком узко! Документы – это сущий пустяк по сравнению с тем, что я могу предложить вам.

– И что же вы можете мне предложить?

– Руку и сердце моей дочери, – с искренней радостью сообщил губернатор. Видя, что Василию эта новость пришлась явно не по вкусу, он поспешил добавить: – Понимаю, это неожиданное предложение. Вам надо подумать. Что ж, я готов подождать два-три дня.

Василий нахмурился.

– В ожидании нет необходимости. Я готов дать ответ сейчас. Мой ответ – "нет".

Но Иван Константинович не воспринял его всерьез. Он едва заметно хмыкнул, после чего сообщил, что будет ждать, когда Василий Лаврентьевич придет за документами. Тогда и свадьбу будет удобнее обговорить. После этого губернатор чуть кивнул молодому человеку вместо прощания и отправился обратно в бальную залу.

"Господи! Что же ты делаешь? За что так поступаешь со мной? Отпусти меня, позволь мне вернуться домой к моей Анне!" – взмолился Василий.

Закрыв лицо руками и тщетно пытаясь придумать выход

из сложившегося положения, молодой человек простоял в одиночестве совсем недолго. Среди ночных звуков он отчетливо расслышал стук женских каблучков по каменному полу террасы. Он резко обернулся, готовясь излить душу госпоже Юлии и просить ее о помощи, однако на террасе обнаружилась совсем иная девушка:

– Добрый вечер, Тамара Ивановна.

– Добрый вечер, Василий Лаврентьевич, – отозвалась она, чуть склоняясь в реверансе.

Девушка быстро оглянулась и подошла ближе.

– Я видела, как мой отец только что ушел отсюда. Он разговаривал с вами? – спросила она.

Нужды таиться не было, поэтому Василий подтвердил, что разговаривал с губернатором, и объяснил, в чем была суть этого разговора.

– И вы согласились? – с плохо скрываемой тревогой в голосе поинтересовалась Тамара.

Можно было списать ее волнение на обычное волнение девушек, которым сообщают о том, что подыскивали им партию. Но Василию отчего-то показалось, что дочь губернатора волнуется совсем о другом.

– Нет. Я дал вашему отцу решительный ответ. Впрочем, он его явно не устроил и мне придется повторить свой отказ.

И вдруг Тамара упала перед ним на колени, обняла за ноги и со слезами на глазах начала умолять, чтобы он согласился на этот брак. Василий опешил. Несколько секунд смотрел на

девушку, будто пытаюсь понять, не мерещится ли ему это. Потом быстро огляделся по сторонам, с трудом поднял ее. Тамара не стояла сама, словно мягкая кукла вновь оседая вниз. И Василию пришлось удерживать ее в вертикальном положении, чтобы случайный соглядатай не заподозрил дурного.

– Но я не люблю вас, Тамара Ивановна. Я... Люблю другую. Там, за морем, у меня есть невеста, к которой я непременно должен вернуться. Я предам ее, я предам себя, если соглашусь на брак с вами!

– Вы погубите меня, если не согласитесь на этот брак! – вдруг воскликнула Тамара. – Ах, Василий Лаврентьевич, я же не прошу вашей любви, я не прошу вашего состояния и титула! Я прошу лишь стать моим мужем! Ненадолго – до смерти моего отца...

Василий отстранился, надеясь, что ослышался. Потому что иначе слова девушки можно было посчитать признаком сумасшествия.

– Я знаю, я ничтожное создание. Я недостойна вас, – всхлипывая, продолжила Тамара. – И все же сейчас вы один можете помочь мне. Дело в том, что я тоже люблю другого. Он мелкий офицер, и отец никогда не допустит нашего брака. Но после смерти губернатора все изменится. Мы расстанемся с вами. Вы вернетесь на родину, а я останусь здесь и выйду замуж за любимого. Все это произойдет очень скоро: мой отец стар и не вполне здоров.

– Вы говорите так, словно предлагаете мне заключить сделку, а не жениться на вас. Вряд ли такой вариант придется по душе вашему отцу. Он планирует нашу совместную жизнь, и вы должны понимать, что должно будет стать ее неотъемлемой частью.

Слезы вновь полились по ее щекам. Утерев их тыльной стороной ладони, девушка едва слышно произнесла:

– Если вы говорите о детях, то... они будут у нас. И при том весьма скоро.

Тамара больше не смотрела на него. Она стыдилась встретиться взглядом с тем, кому только что призналась в своем бесчестии и кого просила помочь это бесчестие скрыть.

– Отец не позволит этому ребенку родиться, когда узнает, что он был зачат вне брака и от...

Больше говорить ничего девушка не могла. Она медленно осела на пол и закрыла лицо руками, продолжая тихо всхлипывать.

* * *

Через полчаса Василий вернулся в свою скромную комнатушку на постоялом дворе. Скинув сапоги и камзол, он упал на кровать, чувствуя совершенную опустошенность. На балу в доме госпожи Юлии он поставил окончательный крест на себе, на своей чести и на своей искренней любви к девушке, оставшейся по ту сторону моря.

После признания Тамары Василий не нашел в себе сил отказаться от брака с ней. Да, он не испытывал к ней никаких

положительных чувств. Но он прекрасно понимал, в какой ситуации оказались дочь губернатора и ее еще не рожденный, ни в чем не повинный малыш. Ему было их жаль. Особенно малыша, которому могли даже не позволить увидеть солнечный свет.

Через несколько минут к нему заглянул любезный хозяин постоялого двора и поинтересовался, не нужно ли что господину. Василий так же любезно выставил его за дверь. Единственное, чего ему хотелось в этот миг, – это молиться. О том, чтобы Анна не губила свою жизнь, чтобы не ждала его напрасно. И чтобы однажды нашла в себе силы и великодушие простить его за то, что он не смог оставить другую женщину наедине с ее горем.

Глава 3 (Олег и князь Леонид)

Сын князя Леонида – Олег – никогда не любил утро в летнюю пору, когда из-за солнечного света, заливающего спальню, невозможно было полноценно отдохнуть. А без полноценного отдыха в утренние часы, без возможности проснуться и встать тогда, когда он считал это необходимым, молодой человек ходил весь день хмурым, несобранным и с трудом усаживал себя заниматься делами поместья.

Сам князь Леонид закончил интересоваться тем, что происходит в его владениях еще тогда, когда Олег только-только научился читать. Нудные обязанности старый князь оставил в ведении управляющего, который не упустил возможности использовать ситуацию в своих интересах. Поместье под его чутким руководством обнищало, поля перестали возделываться и приносить доход. На это потребовалось семь лет – как раз столько, сколько понадобилось Олегу, чтобы набраться ума и смелости взять управление в свои руки. Впрочем, за прошедшие с той поры еще десять лет ситуацию удалось чуть смягчить, но не исправить. В прошлом году князь Леонид даже продал часть земель, чтобы расплатиться с долгами и не лишиться всего имения целиком.

Все вышесказанное объясняет, почему молодой князь заметно нахмурился, когда слуга передал просьбу отца выйти в сад для срочного разговора. Олег с неохотой выбрался из

мягкой постели, надел халат и последовал за слугой.

Вскоре они вышли на крыльцо. Тут слуга попросил разрешения покинуть господина, сообщив, что Олег найдет своего отца в беседке в розовом саду. Нужды в сопровождающем не было, и молодой человек продолжил путь в одиночестве. Он спустился вниз по мраморным ступеням и сразу же пошел влево от крыльца. Там среди кустов начиналась почти тайная тропа, позволявшая заметно сократить путь до излюбленного места отдыха князя.

Розовый сад располагался сразу за левым флигелем главного здания усадьбы. Обнесенный каменной стеной, он манил своей уединенностью и возможностью окунуться в аромат дивных цветов. Посередине сада стояла ажурная каменная беседка.

– Доброе утро, отец. Вы желали меня видеть? – приветствовал князя Леонида Олег.

В отличие от сына, вышедшего из дома в халате, старый князь был одет в дорожный камзол, в руках держал шляпу и сорванный здесь же в саду цветок нежно-розового цвета.

– Да, Олег. Как ты видишь, я уезжаю сейчас. Я не хотел тебе говорить о цели моего короткого путешествия. Но после некоторых размышлений пришел к выводу, что тебе стоит об этом узнать до моего отъезда.

Олег поднялся в беседку. Когда он сел на скамейку напротив отца, разница во внешности между ними стала особенно заметна. Князь Леонид был стройным, подтянутым. И

хотя лицо и волосы его уже были отмечены печатью старости, это нисколько не портило его, придавая некий шарм. В то же время Олег – младший из двух детей князя, но единственный сын – выглядел весьма запущенно. Кроме того, что он не успел с утра привести в порядок свое лицо и густую шевелюру, он в течение последних лет забывал приводить в порядок свое тело. В свои двадцать три года князь Олег располнел так, как не возражалась к годам пятидесяти.

– Я слушаю вас.

– Ты не любишь, когда я вспоминаю об этом, но все же вина за наше бедственное положение лежит на мне. И я считаю, что именно я должен наше положение поправить.

– Отец, я надеюсь, вы не намерены продавать наше имение? – не на шутку испугался Олег.

– Нет, нет. Я намерен заключить брачный союз с одной весьма обеспеченной семьей. Они не дворяне, но приданого, которое дают за девушку хватит, чтобы покрыть треть наших долгов.

Олег в задумчивости сдвинул брови. Он и сам, бывало, задумывался о том, чтобы жениться по расчету. Но всерьез такой вариант развития событий никогда не рассматривал. Он считал, что еще слишком молод для такого ответственного шага.

Впрочем, из дальнейших слов отца Олег понял, что речь идет вовсе не о его браке. Это удивило молодого человека еще больше, о чем он и поспешил сообщить отцу. Ответ, оче-

видно, был заготовлен заранее:

– А зачем тебе этот брак? Зачем тебе жениться на дочери купца? Нет, нет, мой мальчик. Ты – дворянин. И жена твоя должна иметь хоть какой-нибудь титул. Когда дела наши поправятся (а ты сможешь это устроить, я уверен), ты подыщешь себе более выгодную партию.

Старый князь вздохнул, взглянул на розу, которую держал в руке.

– К тому же, это способ искупить вину перед нашим родом, не нанеся ему большого ущерба.

Ненадолго повисла пауза.

– Вы сказали, что невеста – дочь купца. Вы уже видели ее? – спросил Олег.

– Как раз сегодня уезжаю, чтобы познакомиться. Ее семья живет в портовом городе. Богатство их от морской торговли. Своих судов не имеют, но доходы успешно увеличивают год от года. Девушку зовут Анна. Ей девятнадцать лет.

Олег лишь молча кивнул. Поскольку сказать больше другу они ничего не могли, отец и сын направились к карете, уже поданной к парадному крыльцу.

– Берегите себя, отец.

– И ты себя, мой мальчик, – улыбнулся в ответ князь Леонид и поцеловал сына в лоб.

После этого он забрался внутрь кареты и велел кучеру ехать. Путь предстоял неблизкий, в дороге князь должен был провести два дня. Поэтому старый князь откинулся на спин-

ку кресла. Дорога была ровная, карета размеренно покачивалась, и князь Леонид в скором времени уснул.

Кажется, ему снился сон. Будто он стоял на ветреном берегу беспокойного моря и вглядывался вдаль. Он не помнил, как очутился на этом берегу и не представлял, куда отправится, покинув его. Но князь Леонид совершенно точно знал, что должен быть здесь. Должен стоять и смотреть, а потом вдруг побежать на крик чайки, камнем рухнувшей в набегающую морскую волну и тщетно пытавшейся выбраться на берег.

Не теряя времени, старый князь вошел в воду, взял птицу на руки и прижал к себе. Она сопротивлялась: кричала, хлопала крыльями и пыталась вырваться. Но взлететь отчего-то не могла. Словно не хватало ей сил оторваться от земли. Словно невидимые нити держали ее.

И тогда князь опустил руки с птицей вниз до самой поверхности воды, а потом резко вскинул их, подбрасывая чайку вверх. Птица испуганно вскрикнула, но уже в следующее мгновение расправила крылья и полетела прочь от берега. Полет ее был легок и приятен глазу. Князь наблюдал за чайкой, пока глаза его могли ее разглядеть.

А когда птица превратилась в размытую черную точку на голубом небосводе, князь Леонид слышал ее крик. Чайка словно благодарила человека за подаренную свободу...

Карета подпрыгнула на кочке, князь Леонид резко проснулся. Должно быть, он спал долго, потому что солнце

уже успело высоко подняться над горизонтом. Да и тело старика говорило о том, что положение уже давно пора помянуть. Откашлявшись, князь велел слуге сделать привал.

На ночь князь Леонид остановился на постоялом дворе. На утро путь был продолжен. И, как и накануне, большая его часть прошла в приятной полудреме, хотя никаких снов старый князь больше не видел.

На обед остановились в придорожном трактире. Хозяин заведения заверил, что до портового городка ехать еще не более пару часов. Закончив с трапезой, князь Леонид вышел прогуляться. Отойдя в сторону от дороги, он спустился с холма и сквозь высокие сосны, произраставшие здесь в изобилии, разглядел блики на морской глади. В тот же миг порыв ветра донес до князя солоноватый морской аромат.

Как и обещал трактирщик, через пару часов карета князя въехала в город. Всюду на улицах суетился народ, лаяли собаки, кричали дети, везли повозки с мерзко пахнущей рыбой. На крышах домов вместо голубей и ворон сидели жирные чайки, без стеснения высматривая в уловах местных рыбаков добычу по сочнее.

Еще через десять минут карета остановилась возле приметного купеческого дома. И князь смог облегченно вздохнуть — цели своего путешествия он достиг.

Выйдя из кареты, старый князь огляделся по сторонам. На ступенях крыльца, украшенного причудливой резьбой, сидела совсем еще юная девушка. На ней было надето самое про-

стое платье, русые волосы перевязаны дешевыми лентами. Не скрывая своего любопытства, девушка разглядывала прибывшего гостя. Князь Леонид улыбнулся ей. И тут девушка вскочила на ноги, сообразив наконец, кто стоит перед ней. Отвесив неуклюжий поклон, она скрылась в доме с криком:

– Папа, мама, князь приехал!

Через пару минут девушка вновь появилась на пороге вместе со своими родителями. Трофим Георгиевич и Дарья Емельяновна велели дочери остаться на месте, а сами спустились к князю.

– Добро пожаловать, Ваше сиятельство, – приветствовал его хозяин дома.

Князь пожал мужчине руку, поцеловал нежную руку его супруги, вновь улыбнулся Марине, когда младшая дочь была представлена купцу.

– Простите мне мое поведение, Ваше сиятельство, – пролепетала девушка. – Мы ждали Вас только к вечеру.

– В таком случае, простите и вы меня, милое дитя. Могу себе вообразить, какой переполох я привез в ваш дом.

Дарья Емельяновна, услышавшая эти слова, поспешила заверить князя, что его ранний приезд нисколько не смутил хозяев. Князь сделал вид, что поверил ей.

Его провели в уютную гостиную, обставленную добротной мебелью. На полу лежал ковер, вдоль стен стояли стеллажи с книгами. Окна обрамляли бархатные шторы. Оценив находящиеся в комнате предметы и то, как они были подо-

браны один к другому, князь Леонид пришел к выводу, что Трофим Георгиевич умеет не просто тратить деньги, а делать это со вкусом. Хотя и весьма... купеческим.

Присев в кресло, князь Леонид попросил чаю. Служанка тут же принесла фарфоровый чайник и большое блюдо с пирогами.

После короткого отдыха, сопровождавшегося ни к чему не обязывающей беседой, князь Леонид дал понять, что готов обсудить дела. Дарья Емельяновна вышла, оставив мужчин. Следующие пару часов она провела в столовой, с нетерпением и тревогой ожидая новостей от супруга.

Наконец важные разговоры были окончены, все тонкости предстоящего союза оговорены, все нюансы учтены. Позвали Дарью Емельяновну. Свадьбу предполагалось устроить через месяц в доме родителей, поскольку жених не имел возможности потратить достаточно средств на торжество. Да и гостей было удобнее разместить на городских постоянных дворах, нежели в маленькой усадьбе.

После разговора Трофим Георгиевич предложил проводить гостя в его комнату. Однако князь Леонид поинтересовался, почему ему до сих пор не представили невесту. Трофим Георгиевич попросил жену привести старшую дочь.

– Я полагал, что вы можете встретиться вечером. Во время торжественного ужина.

– Оу! – с некоторой досадой воскликнул князь. – Вынужден вас огорчить, но я бы не хотел, чтобы по случаю моего

приезда устраивали ужин. Да и стоит ли вынуждать девушку ждать?

Трофим Георгиевич удалился, оставив князя одного. А через минуту дверь вновь отворилась и в комнату вошла Анна. Девушка закрыла за собой дверь, поклонилась и осталась стоять на том же самом месте. Она держала руки, сцепив замочком на уровне талии. На князя Анна старалась не смотреть, но старый дворянин не мог не заметить ее коротких быстрых взглядов.

Одета невеста была на удивление недурно. Элегантное и скромное платье выгодно подчеркивало достоинство ее фигуры. Волосы выглядели чуть растрепанными, но было сложно перестать любоваться мягкими чертами лица, обрамленными прядями, словно рамой с кружевной резьбой. В девушке удивительным образом сочетались очарование юности и красота уже взрослой женщины.

– Мое почтение, Анна Трофимовна.

Девушка подошла к князю Леониду и протянула ему руку.

– Рада познакомиться, Ваше сиятельство.

Князь огляделся и жестом предложил девушке сесть на диван. Анна покорно исполнила его просьбу.

– Вы, верно, много слышали обо мне, – произнес старый князь. – А вот я о вас знаю крайне мало. Быть может, вы расскажете мне о себе?

Анна подняла голову и посмотрела на князя Леонида в упор. Так, словно ей только что был брошен вызов. И де-

вушка ответила на него. Дрожащим голосом, едва сдерживая слезы, она рассказала о своей любви, о своих обещаниях и надеждах. Слушая ее, старый князь невольно вспомнил ту чайку из своего сна, что камнем рухнула в воду и никак не могла вырваться из бурлящих волн.

Когда девушка замолчала, князь Леонид взял ее руку в свои ладони и посмотрел ей в глаза со всей нежностью и всем теплом, на которые был способен.

— Анна, я понимаю, как тяжело Вам сейчас. Конечно, я сам никогда не был на вашем месте, но наслышан об этом. Я также понимаю, что у нас с вами никогда не будет полноценной семьи: со мной вы не обретете счастья материнства. Да и любви я вам подарить не смогу. Но... Как бы печально это не звучало, вы можете быть уверены, что через год-другой я дам вам свободу.

Невеста взглянула на собеседника с удивлением: такая мысль явно не приходила ей в голову. Девушка не смотрела на этот брак с подобной точки зрения, и князю Леониду это понравилось.

На другой день князь Леонид велел подать карету на расвете. С Анной он больше не виделся, но очень хотел встретиться с ней хотя бы взглядом. Поэтому, сев в карету, старый князь выглянул в окно, желая разглядеть невесту за одним из окон. Так и случилось. Девушка стояла в гостиной и наблюдала за его отъездом. Князь Леонид улыбнулся ей. В ответ Анна подняла руку и едва заметно помахала ему. Улыб-

нувшись уже своим мыслям, князь велел кучеру трогать и скрылся в карете.

Анна взглядом проводила карету до ворот. В задумчивости прикусив губу, медленно отвернулась от окна. Брак все еще пугал ее и был ей противен, но теперь смириться с ним было гораздо проще, чем раньше. Да, старый князь не мог подарить ей любви. Но между ними уже возникло куда более важное для совместной жизни чувство. Анна была уверена, что князь Леонид будет уважать ее так же, как она уже уважает его.

Глава 4 (Анна)

Суматоха поднялась в доме невесты с вечера дня, предшествующего свадьбе. В тот момент, когда привезли свадебное платье. Сам портной приехать не смог и прислал своего подмастерье. Молодой человек сильно стеснялся и ничего не мог сказать о заказе, поскольку прежде не имел к нему никакого отношения. Подобное отношение возмутило Дарью Емельяновну, и она выставила подмастерье за дверь, сообщив, что окончательный расчет будет произведен с его начальником при личной встрече.

Вероятно, мать Анны заподозрила неладное, не увидев автора шедевра лично. Во всяком случае, когда платье развернули, встряхнули и надели на невесту, стало понятно, что Дарья Емельяновна обошлась с подмастерьем слишком мягко.

– Оно не готово! – в испуге закричала Марина.

Платье было не закончено: подол был сметан, но не подшит окончательно. Портной так спешил уложиться в срок с его пошивом, что решил не доделывать ту часть работы, которую может сделать любая барышня.

– Мы заплатили ему такие деньги, а он посмел прислать нам незаконченный товар!

Надо было что-то предпринимать, и Дарья Емельяновна велела Марине позвать служанок. Через минуту в комнату

Анны вбежали пять девушек, специально нанятых для того, чтобы помочь хозяевам в организации свадьбы.

– Возьмите нитки и иголки. Через час подол должен быть закончен, – велела Дарья Емельяновна.

Девушки кивнули и принялись за работу. Поскольку расположились они в комнате невесты, девушке не осталось ничего другого, как только пойти в гостиную.

Подойдя к двери, Анна услышала, как Дарья Емельяновна что-то громко говорит. Слушал ее, очевидно, Трофим Георгиевич.

Дождавшись, пока разговор будет закончен, Анна постучала.

– А ты что здесь забыла? – прикрикнула на нее Дарья Емельяновна. – Не лучше ли тебе пойти в свою комнату и проконтролировать, как идет работа у служанок?

Трофим Георгиевич сел чуть ровнее в кресле, в котором до этого полулежал. Посмотрев на свою жену, он строго сказал:

– Я уверен, что лучше тебя никто не справится с этой задачей. А Анне дай спокойно посидеть. У нее завтра свадьба.

Дарья Емельяновна хмыкнула, но спорить с мужем не стала. После ее ухода и Анна, и Трофим Георгиевич почувствовали себя немного свободнее. Девушка села в кресло напротив отца.

– Все еще обижаешься на меня? – спросил Трофим Георгиевич.

Анна опустила глаза. Она очень хотела сказать "нет", чтобы не огорчать отца. Но это короткое и такое простое слово никак не желало срываться с губ. Девушка мотнула головой, но было уже поздно. Ее молчание сказало Трофиму Георгиевичу все, что он желал знать.

– Я понимаю, – кивнул отец. – И потому не требую, чтобы ты вела себя так, как будто не происходит ничего ужасного.

– Спасибо, отец.

– Я хочу, чтобы ты была счастлива, Анечка. Князь Леонид очень хороший человек. Я уверен, в его доме тебе будет... уютно.

Девушка нашла в себе силы все-таки посмотреть в глаза Трофима Георгиевича.

– Спасибо, отец, – едва сдерживая слезы, проговорила девушка.

В отличие от многих он всегда говорил именно то, что думал и чувствовал. Он желал ей счастья и сделал все, что было в его силах, чтобы доставить ей радость. Именно отец настоял на пышном торжестве, чтобы у его малышки была свадьба, о которой она мечтала, а не просто листок бумаги с подтверждением ее нового статуса.

* * *

К десяти часам утра Анна уже была одета, причесана и накрашена подобающе предстоящему дню. Она стояла в одиночестве посреди комнаты и ждала вестей от матери или Марины, которые убежали встречать дорогих гостей – князя

Леонида и его сына Олега – уже полчаса назад.

В одиночестве не было ничего страшного, но неизвестность томила Анну. Хотелось подойти к окну и посмотреть, что происходит во дворе. Хотелось спуститься вниз и поздороваться с будущим мужем. Хотелось хотя бы присесть, но даже это не было ей позволено, из опасения помять платье.

Наконец, дверь в комнату открылась и вошла младшая сестра. Притворив дверь, девушка тяжело вздохнула, сбрасывая напряжение. Марина пристально оглядела старшую сестру, слегка прикусив губу, и улыбнулась.

– Хороша. Очень хороша! Жениху понрависься. Он, кстати, тоже весьма не плох. Смотрится даже лучше, чем его сын.

Марина прошла вглубь комнаты, передала сестре небольшую шкатулку с подарками от жениха. И пока Анна открывала ее и изучала содержимое, младшая сестра пододвинула стул поближе к старшей и присела на край, чтобы не повредить свой наряд. Содержимое шкатулки ее ничуть не интересовало, и Анна поняла, что и ее мать, и Марина уже заглянули внутрь.

– Станный он, этот князь Олег. Вроде молодой, но какой-то... И костюм на нем плохо сидит, и волосы криво убраны. И сутулится, словно старик.

– Зато умный, как говорят, – заметила Анна.

Марина ничего не ответила. Она вновь прикусила губу, но уже не из-за задумчивости. Девушка тщетно пыталась сде-

лать все, чтобы сестра не заметила предательских капелек в уголках глаз. Но у нее ничего не вышло. Глаза очень быстро залились слезами, когда повисла пауза и не на что было отвлечься от грустных мыслей.

Анна ничего не спросила. Младшей сестре хватило ее взгляда, чтобы сдаться и рассказать о своих тревогах.

– Я не хочу, чтобы ты уезжала. В последнее время мы сильно отделились друг от друга, но... ты ведь моя сестра Анна и я не представляю, как буду жить без тебя!

Невеста осторожно опустила на колени. Глаза ее оказались на одном уровне с глазами сестры. Анна погладила Марину по щеке, стирая соленые капли.

– После того, как я уеду, тебе не придется больше ходить за мной на причал, сидеть на холодном ветру. Тебе не придется докладывать маменьке о моих визитах к Вениамину Степановичу. Тебе...

– Мне придется выйти замуж! – пуще прежнего заревела Марина.

Подобного Анна никак не ожидала. Никогда прежде в разговорах о свадьбе младшая сестра не выказывала страха. Анна на миг задумалась, опустив руки. Марина воспользовалась этим, чтобы перестать себя контролировать окончательно, закрыть лицо руками и зареветь так, как она не плакала ни разу после того случая с разбитой коленкой, когда ей было четыре года.

– Марина... Мариночка! Но ты ведь всегда хотела выйти

замуж?

Девушка вскинула заплаканное лицо. Макияж у нее сильно смазался, но Анна этого даже не заметила, всерьез испугавшись безумного взгляда сестры.

– А что, если меня продадут так же, как тебя? И что если отец найдет мне мужа, который не будет так любезен, как князь? Что если мой муж будет лишь тугим кошельком без роду и племени? И манер у него не будет никаких? И красота моя его не пленит?..

– Разве может твоя красота не пленить? – попыталась утешить Анна сестру. – Ведь ты красавица!

Марина никак не отреагировала на эти слова. Тогда Анна попыталась зайти с другой стороны:

– Да и не допустит отец твоего брака с плохим человеком. Этого просто не может быть!

Девушки просидели так еще почти полчаса. Потом снизу послышался голос Дарьи Емельяновны, звавшей младшую дочь. Марина ответила, что идет. Оправив платье, она быстро привела в порядок свое лицо. Она уже собралась выйти, когда Анна вдруг схватила ее за руку и притянула к себе. И нежно обняла.

* * *

В полдень все отправились к церкви.

Посаженым отцом невесты вызвался быть добрый друг и дальний родственник Трофима Георгиевича – Павел Борисович. Он ехал в одной карете с невестой, ее младшей сест-

рой и теткой Катериной – свахой, по характеру и поведению очень похожей на Дарью Емельяновну. Едва увидев знакомую, Анна сразу поняла, что пригласили ее для того, чтобы во время венчания приглядеть за непутевой невестой не хуже матери.

Жених с сыном и парой собственных слуг ехали в другой карете и другой дорогой. За каждой из карет шли несколько десятков приглашенных друзей и знакомых. Замыкала процессию орава босоногих ребятишек. Они кричали и визжали так, что даже самые неосведомленные в городке люди вскоре узнали: купец Трофим Георгиевич выдает дочь замуж.

Священник и еще несколько гостей, не пожелавших участвовать в процессии, ждали молодых на пороге церкви. Увидев кареты, они заулыбались, стали махать руками, приветствуя прибывших. Карета невесты остановилась, пропуская вперед карету жениха. Через окно, чуть отодвинув шторку, Анна смогла увидеть, как князь спускается на землю, потирает спину и переминается с ноги на ногу, разминая затекшие конечности. Следом за князем показался Олег.

"А Марина-то верно его описала. Не чета своему отцу", – подумала девушка, заметив, как молодой человек украдкой подтянул брюки, съехавшие вниз по округленному животу.

Когда князь с сыном и гости скрылись в помещении церкви, тетка Катерина подтолкнула Павла Борисовича к выходу. Следом за ним сваха выскользнула из кареты и протянула руку, чтобы помочь Анне.

– Не медли. Нас уже ждут. Аккуратнее ступай – платье не помни, – то и дело делала она замечания невесте. Убедившись, что Анна не испортила своего внешнего вида, тетка Катерина взяла ее под руку и подтолкнула к посаженному отцу. – Идите, я Марине сама помогу.

Анна и Павел Борисович не спеша направились к ступеням массивного крыльца.

– И к чему эта спешка? – спросил мужчина. – Такое чувство, что свадьба может отмениться из-за нашего промедления.

Невеста ничего не стала отвечать. Чуть склонив голову, она посмотрела на бушующее море. Несмотря на то, что день был солнечный, дул сильный ветер и к берегу бежали высокие волны. Анна подумала, что вряд ли что-то сейчас могло стать лучшим отображением ее чувств: улыбка снаружи и комок горя и боли внутри. Ведь, хотя она и смирилась со своей судьбой, она не могла забыть ни своих обещаний, ни своей любви к человеку, которого вот-вот потеряет навсегда.

Церемония бракосочетания была торжественной, но вместе с тем какой-то слишком обычной, чтобы можно было поверить в искренность желаний людей, стоящих на коленях перед алтарем.

На выходе из церкви молодых громко поздравляли и желали им долгих лет счастья. В воздух летели лепестки цветов, крупа, мелкие монеты. Князь Леонид улыбался.

Себя Анна не помнила. По выходу из церкви она вновь

взглянула на далекое море. На рейде стоял корабль. Девушка вгляделась в него внимательнее и без труда узнала то судно, которое регулярно совершало плавания до...

Анне сделалось дурно. Она повисла на руке мужа, стараясь удержаться на ногах. Но князь Леонид был не готов к подобному повороту событий. Его локоть разогнулся, и молодая жена повалилась на землю. Она не потеряла сознание, но дыхание ее сильно сбилось, сердце бешено колотилось в груди, голова кружилась. А в голове пульсировала лишь одна мысль: "Что если он сейчас на том корабле?"

Девушка слышала, как закричали и завизжали вокруг нее. Видела, как тетка Катерина попыталась подойти к ней, но гости невольно оттеснили сваху от невесты. А потом все обозримое пространство закрыло лицо князя Олега.

– Не беспокойтесь. Ей просто надо воздуха. Корсет зашнурован слишком туго, – услышала Анна слова своего названного сына.

Под нос Анне сунули флакончик с нюхательными солями. На короткий миг это привело ее в чувство, но навязчивые мысли вновь замутили сознание. Понимая, что расшнуровать корсет на площади перед церковью нельзя, Олег подхватил девушку на руки и понес к карете, попутно сообщая, что молодой княгине необходимо вернуться домой и немного отдохнуть. Князь Леонид семенил следом за сыном. Выглядел он смущенно, напугано и совершенно растерянно.

Когда кучер остановил карету возле дома Трофима Геор-

гиевича, дверцу тут же распахнули служанки. Они начали поздравлять молодых, но князь Леонид оборвал девушек на полуслове.

— Покажите ее комнату, — велел он. — Олег отнесет, а вы уж там дальше сами разберетесь.

— Да, Ваша светлость.

* * *

Лежа на своей кровати и вдыхая такой родной морской воздух, льющийся в открытое окно, Анна без труда могла слышать шум веселья, царившего в столовой. Трофим Георгиевич предложил перенести празднование на завтра. Однако князь Леонид не планировал задерживаться в городе дольше необходимого и велел отмечать бракосочетание без молодой княгини.

Анна не винила его. Она даже была благодарна ему в какой-то мере. Не к чему было растягивать расставание и тем самым усиливать боль в ее сердце. К тому же девушка очень боялась, что мысли ее окажутся правдой, и ей просто хотелось сбежать из этого города до того момента, как Василий поймет, что она вышла замуж. Ей было стыдно, и казалось, что лучше умереть, чем взглянуть в глаза любимого и попытаться попросить у него прощение.

Откинув одеяло, Анна выбралась из мягкой постели, взяла свечу и на цыпочках подошла к двери. Осторожно отворив ее, девушка выглянула в коридор. На верхней ступени лестницы дремала служанка. Молодая княгиня окликнула

ее. Девушка встrepенулась, словно птенец и тут же подбежала к Анне.

– Что угодно, госпожа?

– Помоги мне одеться. Князь прислал платья, которые носят дворяне. Я не знаю, как самой с ним справиться.

Служанка кивнула и вошла в комнату.

Платье, подаренное супругом, было очень к лицу Анне. Цвета слоновой кости, отделанное изящными кружевами, оно выгодно подчеркивало ее фигуру. На волосы служанка прицепила несколько заколок, также подаренных князем.

– Эти камни очень подходят к цвету ваших глаз, Ваша светлость, – сделала осторожный комплимент девушка. Анна молча кивнула.

Когда служанка закончила одевать ее, молодая княгиня отослала девушку прочь. Подошла к зеркалу и долго смотрела на себя, пытаясь прогнать мысли о том, что вовсе не дочь купца отражается в гладкой поверхности. Но это была она. Теперь с этим следовало смириться и приложить все усилия, чтобы не разочаровать своего мужа и его окружение. Ведь Анне совсем не хотелось стать приложением к своему приданому, затворницей и ненужным обременением для княжеского дома.

Спустившись вниз, девушка первым делом заглянула в столовую. Там еще сидели за столами некоторые гости, но большая часть – и князь Леонид в их числе – уже перебралась в гостиную: Трофим Георгиевич предложил поиграть в

карты. Понимая, что ей в гостиную к отцу путь заказан, а встречаться с матерью и Мариной нет желания, Анна направилась к входной двери.

– На улице уже стемнело, – услышала девушка знакомый голос.

Повернувшись, Анна увидела Олега. Князь не выглядел слишком пьяным, но тем не менее позволил себе лениво привалиться к ближайшей стене.

– Княгине не стоит в такое время выходить за пределы дома. Тем более в одиночестве.

Анне показалось, что молодой человек предостерегает ее от попытки бегства. Но она не собиралась убегать. Девушка хотела лишь недолго погулять по берегу моря. Поэтому молодая княгиня гордо выпрямилась и спокойно произнесла:

– В таком случае, быть может, Вы составите мне компанию?

Олег на секунду нахмурился, словно Анна отреагировала совсем не так, как он нарисовал в своих мыслях. Однако предложение девушки явно пришлось по душе сыну князя. Улыбнувшись, молодой человек подошел к двери и любезно распахнул ее перед названной матерью.

Затворив дверь, Олег быстро спустился по ступеням и предложил Анне взять себя под руку. Девушка отказалась, отчасти – из-за смущения, отчасти – из-за привычки передвигаться по городу в одиночестве. Князь пожал плечами, настаивать не стал и пошел следом за Анной, отступив на

полшага, поскольку дороги не знал.

Анна повела своего спутника к берегу в том месте, где причаливают рыбацкие лодки. В порт она идти побоялась, хотя уже заметила на рейде корабельные фонари и поняла, что так напугавшее ее судно дожидается прилива, чтобы войти в порт.

Несмотря на то, что время близилось к полуночи, на улицах было совсем не темно. Яркий свет луны освещал путников и дорогу, словно специально зажженный для них фонарь под черным небосводом. На морских волнах причудливо извивалась лунная дорожка, то и дело атакуя берег, подобно морскому зверю. Но проходил миг, и, казавшийся опасным, серебристый змей с тихим шелестом отползал в морскую бездну, увлекаемый очередной растаявшей волной.

Анна остановилась там, где кончались сухие камни. Постояла несколько минут, наблюдая за игрой редких бликов на поверхности воды. Потом подобрала подол платья и пошла дальше.

– Что Вы делаете? – немного испуганно спросил ее Олег.

– Прощаюсь с моей прежней жизнью, – отозвалась Анна.

Молодая княгиня присела на корточки и коснулась рукой прохладной воды, чистой и свежей. И ей так захотелось ощутить эту свежесть у себя на лице, что девушка отпустила платье, зачерпнула двумя руками соленую воду и, задержав дыхание, медленно опустила в нее свое лицо.

Когда воздух вновь наполнил ее легкие, Анна поняла, что

прошлое в самом деле осталось позади. И к нему уже нет и никогда не будет возврата. Потому что, даже после смерти князя Леонида, после того, как она вновь окажется "не замужем", она все равно уже не сможет стать прежней Анной, которую когда-то полюбил Василий. Ведь чтобы все осталось как прежде, ей не следовало никогда больше делать этот вдох.

Анна выпрямилась и посмотрела вперед – туда, где пролегала невидимая в этот час граница между небом и землей. Она почувствовала, как горячие капли сорвались с ее мокрых ресниц и побежали вниз по соленым щекам.

– Но даже другая Анна никогда не сможет забыть тебя, Васенька... – прошептала она так тихо, что даже ветер не расслышал ее слов.

Собравшись с силами, стерев остатки слез, Анна повернулась и пошла прочь от кромки воды. Князь Олег стоял, не двигаясь. Девушка подумала, что он смотрит на нее. В лунном свете на его щеках блеснула пара слез. Анне стало неловко, что она так растрогала своего названного сына. Однако подойдя ближе, девушка поняла, что слезы эти вызваны не ее поведением.

– Сложно поверить, но я впервые увидел море, – негромко произнес князь, когда они уже возвращались.

– Оно тронуло вас до глубины души, – кивнула Анна, и тут же поспешила добавить: – Простите, я заметила слезы на вашем лице.

Князь бросил на нее быстрый взгляд и тут же смущенно отвернулся.

— Не море вызвало их, — глухо проговорил он. — Моя старшая сестра уплыла за море, выйдя замуж. Четыре года уже прошло, и за это время мы получили только два письма от нее. Она писала, что все хорошо. Нам остается только верить, что Юлия была честна с нами.

Анна и Олег шли дальше молча. Еще час назад они были чужими, незнакомыми людьми. А теперь похожая боль сближала их так, что не нужно было больше никаких слов чтобы понимать друг друга.

Глава 5 (Анна)

Вернувшись после ночной прогулки, Анна надеялась встретить кого-нибудь из родных. Но возле входной двери ее ждала лишь служанка. Поклонившись князю, она сказала, что для него подготовлена гостевая комната. После этого служанка сообщила Анне, что проводит Ее светлость в комнату. В ответ Анна лишь молча кивнула.

Следом за служанкой девушка вошла в свою спальню. На окне стояла одинокая свеча, озаряя своим светом мрачное пустое помещение. Анна заметила, что на кровати появилась еще одна подушка, и задрожала. Служанка, если и заметила, что произошло, виду не подала. Она предложила помочь княгине раздеться, но Анна отослала ее прочь. Через пять минут Анна уже лежала, напрасно кутаясь в одеяла. Озноб не становился меньше. Анна понимала, что первая брачная ночь с князем – неизбежность. Но очень хотелось надеяться, что князь слишком стар для того, чтобы...

В конце концов, усталость взяла верх, и молодая княгиня уснула, так и не дождавшись своего супруга.

Утром следующего дня ее разбудила все та же служанка. Помогла умыться, одеться. После этого другая служанка принесла поднос с едой.

– В столовой еще не все прибрано. Ваш батюшка предложил подождать с завтраком, но Его светлость настаивает на

скорейшем отъезде. Путь ведь предстоит не близкий, – объяснили Анне.

Девушка ничего не сказала. Позволила себя одеть в скромное дорожное платье, после чего осталась одна. Через силу съела предложенное, в последний раз посмотрела на свою комнату и спустилась вниз. Встретившаяся служанка сообщила, что господа уже на улице. Ничего не оставалось, как только выйти на крыльцо.

Возле кареты стояли князь Леонид с Трофимом Георгиевичем. Князь Олег коротал время за беседой с Дарьей Емельяновной. Там же, возле матушки, стояла Марина. Младшая дочь купца выглядела подавленной, под глазами виднелись синяки.

"Сестренка, неужели ты всю ночь проплакала?" – промелькнуло в голове у Анны. Ей захотелось подойти к Марине, обнять ее, выслушать, утешить. Однако князь Леонид заметил свою молодую супругу и поспешил к ней:

– Как вам спалось, моя дорогая?

– Благодарю вас. Я хорошо отдохнула, – ответила Анна.

Князь Леонид взял девушку под руку и легонько подтолкнул к карете. Несложно было понять, что его светлости не терпится поскорее покинуть здешние места.

На прощание все-таки обнявшись с отцом, матерью и сестрой, Анна поклонилась им и с помощью Олега забралась в карету. Вскоре к ней присоединились и супруг, и названный сын. Карета явно не была рассчитана на такое количество на-

рода. Мужчинам пришлось изрядно потесниться, чтобы Анна в пышном платье смогла сесть удобно и не чувствовала дискомфорта во время поездки.

Девушка ожидала, что дорога окажется очень утомительной. Однако реальность превзошла все ее худшие ожидания. По приказу князя ехали весь день, почти не делая остановок. Пару раз за время пути Анна задремала, прислонившись головой к плечу князя Олега, но отдыхом это сложно было назвать. Девушка подумала, что и ночь придется провести сидя. Но, к счастью, когда начало темнеть, князь Леонид велел кучеру поторопиться, чтобы не в кромешной тьме добираться до постоянного вора. На нем остановились на ночь.

На другое утро продолжили путь, когда солнце только-только коснулось первыми лучами макушек окрестных деревьев. И вновь ехали без остановок. Зато уже к полудню добрались до имения князя Леонида.

Анна позабыв про усталость, с интересом смотрела в окно, разглядывая приближающиеся каменные строения усадьбы. Все они были украшены причудливыми узорами, которые повторялись и на наличниках окон, и на капителях колон. И даже на столбах каменной ограды сада, примыкавшей к главному зданию, можно было разгадать те же мотивы. Светило солнце, дул приятный ветерок, наполненный ароматами лесных и луговых трав. За аллеей, вдоль которой ехала карета, виднелась водная гладь мелкой речушки.

– Вам нравится? – спросил князь Олег.

– Очень! – восхищенно воскликнула Анна. – Словно с картины все сошло. Ничего подобного прежде не видела.

Олег и князь Леонид понимающе переглянулись. На лицах обоих играла улыбка.

Через несколько минут карета остановилась у парадного входа. Возле ступеней крыльца уже собрались слуги. Дворецкий подошел к карете, распахнул дверь и поклоном приветствовал хозяев.

Когда Анна показалась из кареты, все взгляды тут же оказались прикованы к ней. Служанки смотрели на нее с завистью: ведь от рождения они были такими же безродными, как и дочь купца. В глазах слуг читалось восхищение: даже после долгого пути Анной можно было залюбоваться.

Князь Леонид предложил супруге руку, и все вместе они вошли в дом.

Внутри главное здание усадьбы выглядело совсем не так легко и свежо, как могло показаться снаружи. Парадная лестница казалась слишком массивной и грубой, слишком много тяжелого бархата было использовано для оформления оконных проемов, слишком много темных цветов и позолоты было на стенах. Пол в усадьбе был выполнен из дуба.

Анне сразу же захотелось сорвать весь этот мрак, открыть окна и пустить свежий воздух во внутренние помещения. И желание ее было таким искренним и таким сильным, что девушка не смогла скрыть его от своего супруга и названного сына.

– Позвольте я провожу вас в вашу комнату, матушка. Я полагаю, она вам больше придется по душе, – предложил Олег.

Князь Леонид поддержал эту идею. Как он ни старался держаться уверенно и бодро, без труда можно было заметить, что старый князь сильно вымотался за время пути и ни о чем другом не думал, как только добраться до своей кровати и выспаться. Оставив его светлость, Анна и Олег поднялись на второй этаж и вошли в комнаты, которые князь Леонид распорядился отдать ей.

Комнаты пришлись Анне по душе. Первая – гостиная – была отделана в нежных голубых и зеленых тонах. Посередине стоял аккуратный круглый столик. Возле стола удобно разместились два кресла. Возле окна девушка увидела кушетку. Справа от нее стоял комод, на комодe в вазе радовали глаз свежие розы. Вся стена, противоположная окну, была занята книжными шкафами. На двух других стенах висели картины: сцены охоты и пейзажи. Окна были наполовину задернуты светлыми шторами из плотной ткани.

Вторая комната – спальня – была оформлена в бежевых тонах. Почетное место занимала кровать, украшенная искусной резьбой. Справа от кровати, в самом дальнем углу, можно было разглядеть потайную дверцу, которая вела в гардеробную Анны. Слева от кровати расположилась тумбочка. Справа и слева от входа стояли стулья. Возле стены напротив входа за ширмой был туалетный столик. Шторы в этой ком-

нате были темно-коричневые, но благодаря общему оформлению не смотрелись мрачно.

Из окон обеих комнат открывался восхитительный вид на засеянные поля, лес вдали и речку, словно отделявшую одно от другого.

Пока Анна изучала свои комнаты, Олег привел к ней горничную. На вид ей можно было дать лет двадцать. Высокая, стройная. Белые волосы заплетены в две косы. Звали служанку Фаиной.

– Добро пожаловать, ваша светлость, – с поклоном произнесла девушка.

После этого Олег поспешил откланяться, сообщив, что общего обеда и ужина сегодня не будет, но Анну накормят сразу же, как только она прикажет.

Некоторое время девушки молчали, присматриваясь друг к другу. Наконец, Анна собралась с мыслями и спросила:

– А что же князь Леонид? Разве мы с ним не должны жить в одной комнате?

Фаина поклонилась и покорно ответила:

– Князь Леонид и князь Олег проживают на другой половине дома. У них свои комнаты.

– Но как же?.. – заговорила Анна, и тут же замолчала, чувствуя, как тот же страх, что и в первую ночь после свадьбы, сковывает ее.

Фаина, однако, все поняла. Подойдя ближе к княгине, девушка наклонилась, поднесла руку к ее уху и прошептала

Анне, словно близкой подруге:

– Князь уже стар для этого, ваша светлость.

Анна заметно покраснела, но почувствовала, как напряжение и страх оставили ее.

Отпустив служанку, Анна самостоятельно переоделась, задернула шторы, подошла к кровати и легла на нее. Перина оказалась очень мягкой. Гораздо мягче, чем та, на которой она привыкла спать. Несколько минут она никак не могла устроиться, потом усталость взяла свое и девушка уснула.

Глава 6 (Анна)

Сквозь шторы пробивался озорной солнечный лучик. Сначала он осторожно крался по полу, потом по простыне поднялся на кровать, и наконец по подушке добрался до лица молодой княгини. Уютно устроился на ее румяной щеке и, конечно, разбудил Анну.

Девушка потянулась, села на кровати и оглядела комнату. С того момента, как она уснула в ней ничего не изменилось. Только стало чуть прохладнее. Закутавшись в одеяло, Анна опустила босые ноги на пол и подошла к окну. Одной рукой придерживая свою накидку, другой она раздвинула шторы. Комната тут же оказалась залитой лучами утреннего солнца, еще такого юного, но уже жаркого. Поморщившись от яркого света, девушка вернулась к кровати.

Скинув одеяло, Анна направилась в гардеробную. Там она смогла найти всю необходимую одежду. Приведя себя в порядок, молодая княгиня вышла из спальни.

В гостиной на кресле возле стола дремала служанка. Молодая княгиня тихо подошла к ней, легонько коснулась плеча. Фаина вздохнула в полусне, потом открыла глаза и потянулась, окончательно просыпаясь. Тут она сообразила, кто ее разбудил, вскочила с кресла и поклонилась, приготовившись извиняться.

– Я бы хотела спуститься вниз и встретиться с князем Лео-

нидом, — сказала княгиня, не давая Фаине возможности вымолвить ни слова.

Служанка заметно обрадовалась, поняв, что на нее не гnevаются, и жестом предложила Анне следовать к выходу. Сама Фаина пошла следом, то и дело говоря, куда следует повернуть и в какую дверь пройти. Таким образом, Анна добралась до библиотеки. Но своего супруга девушка там не увидела.

— Должно быть, его светлость еще не встали, — предположила Фаина.

— А князь Олег?

— Он в розарии.

Анна вышла на крыльцо, с радостью подставив лицо свежему ветерку. Утренний воздух приятно охлаждал кожу. На траве возле крыльца блестели капельки росы. Однако внимательного человека уже невозможно было обмануть: он видел приближение дневной жары в тех мелочах, которым невнимательный не придавал значения вовсе.

Миновав клумбу перед главным крыльцом, Анна свернула на едва заметную тропинку между кустами, которая, по словам Фаины, и должна была привести ее к убежищу князя Олега. Подол ее платья очень скоро намок и стал тяжелым. Впрочем, об этом девушка быстро забыла, когда прошла сквозь калитку в каменной ограде.

Анна медленно брела по дорожке, окруженная дивными кустами. Каждый цветочек, большой или маленький, исто-

чал восхитительный аромат. И казалось, что этому волшебству нет конца – таким большим виделся ей розарий. А, впрочем, ей и не хотелось, чтобы это колдовство когда-нибудь заканчивалось.

Пройдя примерно до середины сада, Анна заметила тропинку, уводящую вправо от центральной дорожки, и свернула на нее, привлеченная пестрой стеной вдаль. Подойдя ближе, девушка поняла, что пестрая стена – это все те же розы, только очень высокие, словно выющиеся по деревянным опорам. Она наклонилась понюхать цветы, которых прежде никогда не видела.

– Это редкое растение – плетистая роза. Не многие лучшие сады в Европе могут похвастаться наличием такого в своей коллекции, – услышала Анна голос Олега позади себя.

Повернувшись, девушка увидела, что молодой человек стоит перед ней в халате, зажав подмышкой газету.

– Доброе утро, – произнесла Анна. Смущение едва заметно отразилось на ее лице, и она поспешила отвернуться, почувствовав это.

– Уже день, пожалуй, – вздохнул Олег.

Анна резко повернулась к нему лицом.

– Который сейчас час?

– Чуть больше одиннадцати. Но это не страшно, что вы так долго спали. Дорога была весьма утомительной. Да и примера иного вам никто не подал сегодня. Я сам только пришел сюда. А его светлость все еще в кровати.

– Извините, если отвлекла вас.

– Нет-нет. Вы нисколько мне не помешали. Я даже не успел еще развернуть газету, когда услышал ваши шаги.

– Вы были здесь? – удивилась Анна. – Но почему не окликнули меня?

– Хотел посмотреть, как понравится вам мой розарий, – улыбнулся Олег. Судя по этой улыбке, реакция Анны пришлась ему по душе.

Они прошли в беседку и просидели там не меньше часа, коротая время до завтрака за приятной беседой. Олег хотел расспросить ее про Василия и ее чувства к нему, намеревался намекнуть, что вспоминать о возлюбленном теперь ей не пристало. Однако видя улыбку девушки и спокойствие в ее глазах, так и не решился задать ни одного вопроса. Также как и Анна не набралась смелости спросить его о старшей сестре.

По окончании разговора Олег окончательно уверился в том, что впредь Анне не нужно будет напоминать, что она теперь жена князя и вести себя должна соответственно. Девушка сама это прекрасно понимала и делала все, что, по ее мнению, следовало. Остальному Олег пообещал ее научить в ближайшие дни.

Наконец, пришел слуга и сообщил, что князь Леонид спустился в столовую и велел подавать завтрак. Анна и Олег поспешили в дом. Перед дверью в столовую Олег остановился, давая Анне время привести себя в порядок после быстрой

хотьбы, потом сам открыл дверь и пропустил девушку вперед.

Столовая показалась Анне самой удивительной из комнат, какие она успела увидеть в этом доме. Посередине стоял длинный узкий стол, огромные окна свободны от штор, но благодаря широкому наружному карнизу над ними яркие лучи почти не проникали в комнату. Стены в столовой были отделаны шелковыми обоями, поверх которых весели многочисленные картины. Среди сюжетов преобладала тема охоты.

Забыв из-за такого великолепия о правилах поведения, Анна замерла, едва дыша, потом стала медленно двигаться вдоль стены, разглядывая картины. Олег хотел окликнуть девушку, но князь Леонид жестом дал понять, что ничего не имеет против.

Наконец, стена и картины кончились, и Анна поняла, что совершенно потеряла связь с реальным миром. Быстро обернулась, испуганно взглянула на Олега, потом заметила супруга и склонилась в реверансе, надеясь, что сделала это достаточно быстро и он не заметил, как залились краской ее щеки.

– Ну, будет, милая. Встань и подойди сюда.

Девушка исполнила его просьбу.

– На этой стене вся история нашего рода, – сообщил князь, взяв Анну за руку. Потом подумал и поправился: – История твоего рода.

За завтраком все сохраняли молчание, пока тарелки не опустели. Когда подали кофе, князь Леонид откинулся на спинку стула и посмотрел на сына и жену, привлекая тем самым внимание к себе.

– Вот, что я думаю, – заговорил он, убедившись, что его слушают. – Свадьбу мы сыграли. Но поступили не слишком любезно, не поставив в известность об этом браке наших друзей и недругов.

Анна перевела взгляд на Олега, потом вновь на князя, невольно давая понять, что не понимает, о чем идет речь.

– Отец имеет ввиду высший свет, – подсказал молодой князь. Князь Леонид кивнул.

– Так вот, что я придумал по этому поводу. Чтобы все были довольны и могли лично взглянуть на мою жену, не утомив нас визитами, мы дадим бал седьмого августа. У Анны как раз будут именины, так что лучшего повода и не придумаешь.

– Седьмого августа? Но, отец, это ведь через две недели! – удивился Олег. – Разве мы успеем подготовить пышное торжество за столь короткое время?

– На пышное торжество у нас нет средств. А для подготовки достойного торжества времени вполне хватит.

Олег прикусил губу. Был еще один повод отложить торжество, но заговорить о нем он не мог решиться.

– Если ты беспокоишься о платье для Анны, мальчик мой, то не волнуйся. Я уже обо всем договорился с портными, –

князь Леонид с улыбкой посмотрел на Анну. – Ваше платье вам понравится, Анна Трофимовна.

Девушка улыбнулась в ответ.

– Но как быть с самой Анной? – не выдержал Олег. – Отец, ты понимаешь, что она будет выглядеть не лучшим образом на этом балу без должной подготовки. Я уверен, Анна, что отец дал вам некоторое образование, но вхождение в дворянский круг требует гораздо большего!

– Вы же обещали научить меня манерам, – напомнила Анна.

– Манерам – да. Но как быть с танцами? Вы не знаете ни одного! А для обучения хотя бы одному не хватит и месяца.

В разговор вмешался князь Леонид:

– Не будет она танцевать. Ни к чему это. Скажем, что подвернула ногу. Анна так прелестна, что ей с радостью простят подобное поведение.

Олег шумно выдохнул. Говорить он ничего не стал, но подумал, что его отец ведет себя как ребенок.

* * *

По окончании завтрака князь Леонид принес Анне свои извинения. Он очень хотел бы лично показать ей свои владения, но дорога далась ему слишком непросто, и он все еще не чувствовал себя отдохнувшим.

– Все в порядке, отец. Я прогуляюсь с Анной, – предложил Олег.

Его светлость кивнул, давая понять, что не возражает. И

все же в его глазах на мгновение отразилась грусть. В глубине души князь надеялся, что Анна согласится скоротать сегодняшний день в библиотеке в его обществе. Но, наверное, он хотел слишком многого от девушки, которая нашла себе лучшего спутника, чем уставший старик.

Осмотр имения Олег решил начать с конюшен. Он справедливо решил, что дом они с Анной смогут посмотреть и во время жары, и при плохой погоде. А вот для осмотра окрестностей лучшего времени сложно было найти. Тем более что располагались конюшни на заднем дворе среди высоких деревьев. А прямо за конюшнями протекал ручеек – тот самый, что в паре километров отсюда превращался в полноводную реку.

Пройдя насквозь через здание конюшен, Анна и Олег вышли как раз на берег ручейка. Сразу за воротами берег был лысым, истоптанным и изъезженным. Но стоило отойти чуть дальше вниз по течению, как под ногами уже приминалась высокая сочная трава. На другой стороне ручья такую же траву мирно щипали две кобылы.

– Серая – это моя Звездочка. Белая – это Метель, лошадь отца. В прежние времена охоту устраивали часто, и они редко простаивали в стойле больше недели. Теперь же отец постарел и уже не может долго держаться в седле.

– Неужели кроме отца вам больше не с кем отправится на охоту? – удивилась Анна.

– Мой друг Мелентий, составлявший нам компанию

прежде, покинул эти места. Променял на столицу. Сказал, что ему здесь скучно, что жизни здесь нет.

– А вы не считаете, что здесь скучно?

– Мне некогда скучать. Хозяйство отнимает много сил и времени. А в свободные минуты мне совсем не хочется быть на людях. Уж лучше посидеть в библиотеке или прогуляться по берегу ручья. Ну, а если станет здесь совсем уж тоскливо, так можно съездить в село.

– А далеко оно отсюда?

– Минут десять верхом, – отозвался Олег. – А почему вы спрашиваете? Вам уже стало настолько скучно?

Анна смущенно улыбнулась.

– Кстати, вы умеете ездить верхом?

Девушка отрицательно мотнула головой.

– Понятно, – вздохнул Олег, добавляя еще один предмет в программу предстоящего обучения.

"Теперь и почитать времени не останется," – подумал молодой человек, но сожаления от этой мысли не испытал.

Глава 7 (Анна)

В заботах время течет очень быстро. Порой даже быстрее, чем хотелось бы. Однако на личном опыте Анна прежде никогда в этом не убеждалась. Ее никогда не нагружали работой сверх меры, поскольку в том не было нужды. Подготовкой собственной свадьбы она тоже не занималась. И то, с чем пришлось ей столкнуться в течение двух недель до бала, произвело на нее весьма сильное впечатление. Девушка впервые осознала, что жизнь дворянки ничем не проще жизни простой деревенской девушки.

На следующий день после разговора с князем Леонидом к Анне приехал портной с двумя подмастерьями. Больше двух часов они снимали мерки, показывали ткани, подносили их к молодой княгине, чтобы окончательно убедиться, что будущее платье окажется ей к лицу. После ухода мастера девушка с трудом нашла в себе силы спуститься в столовую к обеду. Ужин Олег принес ей в спальню лично, выразив надежду, что долгий сон восстановит ее силы.

На второй день пожаловал ювелир. Он был один и суеты вокруг себя не создавал. Но от его пристальных следящих взглядов Анне стало не по себе.

На третий день молодая княгиня изъявила желание прогуляться. Она полагала, что Олег составит ей компанию, и они вновь пройдутся по берегу ручья. И князь почти полно-

стью оправдал ее надежды. С той лишь разницей, что помимо них двоих на прогулку отправились Звездочка и Метель.

Четвертый и пятый день Анна провела в кровати. У нее болело все тело, кружилась голова, поднялась температура. Князь Леонид послал за врачом. Анна опасалась, что врач скажет что-нибудь нехорошее, относительно ее внезапного состояния. Но врач, внимательно осмотрев больную, сказал, что все беды девушки от переутомления и ничего кроме покоя в течение двух-трех дней ей не требуется. Испуганные супруг и названный сын Анны дали ей пять дней отдыха.

За три дня до бала вновь пришел портной. Он радостно сообщил, что платье готово.

– Да неужели? – скептически воспринял заявление старый князь. Уж он-то знал, что за десять дней хорошего наряда не сшить.

– Ваша светлость, разве посмел бы я обмануть вас? – только и ответил портной.

Мастер передал Фаине сверток с нарядом, и служанка с Анной ушли переодеваться. Князь Леонид, Олег и сам портной расположились в гостиной. Через пару минут слуги принесли чай и сладости, так что ожидание не показалось им тягостным.

Наконец, дверь в гостиную открылась, и в проеме появилась голова Фаины. Получив разрешение от князя Леонида, девушка скрылась в коридоре, а в комнату вошла Анна.

– Волшебнo! – только и смогли выдохнуть все собравши-

еся.

Молодая княгиня стояла перед ними в самом прекрасном платье, какое только доводилось прежде видеть князьям. Это был наряд персикового цвета, очень нежный, воздушный, пышный. На нем не было никаких дополнительных украшений: ни бисера, ни страза, ни вышивки. Но простым это платье не выглядело за счет аккуратной, почти ажурной драпировки тканями лифа.

Князь Леонид первым опомнился:

– Я же говорил, что о платье не стоит беспокоиться.

* * *

Свое восхитительное платье и украшения Анна надела около восьми вечера. Прическу ей сделал специально приглашенный парикмахер. После его ухода Анна попросила выйти и Фаину, надеясь немного побыть в одиночестве и насладиться тишиной.

Однако одиночество Анны длилось всего пару минут, по прошествии которых раздался стук в дверь.

– Анна, позвольте войти, – услышала девушка голос Олега.

– Не стоит. Я уже иду, – отозвалась она.

В последний раз взглянув на свое отражение в зеркале, Анна поправила прядь волос и вышла в гостиную.

– У меня нет слов! – воскликнул молодой князь, едва девушка появилась перед ним.

Сам Олег был одет в черный костюм с галстуком-бабоч-

кой. То ли от этого костюма, то ли из-за каких-то внутренних изменений, но молодой человек впервые предстал перед Анной тем, кем являлся на самом деле – дворянином, потомком древнего рода. Молодая княгиня постаралась скрыть свое смущение и растерянность.

Поцеловав руку девушки, Олег чуть улыбнулся и проговорил:

– Вы так очаровательны, что мне даже жаль, что я не могу пригласить вас на танец, матушка.

Анна не смогла все-таки совладать со своими чувствами и густо покраснела.

– О! Нет, нет! Княгине не подобает краснеть при каждом комплименте, – пожурил ее Олег. – Попробуем еще раз? Анна, позвольте выразить вам свое восхищение.

На этот раз девушка слегка наклонила голову и склонилась в реверансе.

– Скоро начнут съезжаться гости. Вы должны встречать их. Но поскольку на вчерашней прогулке вы подвернули ногу, вы можете спуститься в залу позже, когда все уже соберутся, – напомнил Олег. – Только, пожалуйста, не забывайте, о вашей ноге.

– Не забуду, – улынулась Анна.

Он вышел, сообщив, что пришлет Фаину, когда придет время.

Оставшись вновь в одиночестве, Анна почувствовала, как страх завладевает ею. Никогда прежде ей не приходилось

оказываться в центре внимания сотни людей, которые собрались лишь для того, чтобы посмотреть на нее. Прежде она всегда была по другую сторону этой баррикады. И даже если кто-то и смотрел на нее, то не для того, чтобы найти в ней изъян.

Молодая княгиня подошла к окну. Уже сгущались сумерки, и с трудом узнала привычный пейзаж: поля и лес вдаль. Девушка вздохнула и прикусила губу. За прошедшие две недели она ни разу не почувствовала себя неуютно в этом доме. Пожалуй, в имении князя Леонида ей было даже спокойнее, чем в доме родителей. Но сейчас, когда внизу уже играла музыка, ей захотелось убежать отсюда на родной берег моря, на волю...

* * *

Бальная зала была освещена тысячами свечей. Это было почти такое же помещение, что и столовая. Только вместо окон здесь были двери, ведущие на террасу, да над входом располагался небольшой балкончик, на котором играли музыканты.

При первом взгляде на залу казалось, что людей на бал собралось совсем не много. Но впечатление это было обманчивым. Отчасти из-за размеров самой залы, отчасти из-за пристрастия князя Леонида и многих его гостей к азартным играм. Олег пристальным взглядом оглядел помещение и убедился, что Его светлость не изменяет себе – в самой зале его не было. А меж тем часы уже показывали девять.

Подозвав Фаину, Олег приказал ей привести княгиню. Сам же он отправился туда, где играли в карты.

Старый князь сидел за столом в компании троих друзей и едва ли замечал хоть что-нибудь вокруг, кроме нескольких картонных листов у себя в руке. Видя, что отец сильно взволнован, Олег подошел ближе к столу, но вмешиваться в игру не стал.

Наконец, партия была закончена. Вспотевший от напряжения князь Леонид вскочил со своего места и победоносно оглядел всех собравшихся:

– Чертовски мне везет сегодня, господа!

– Вы по жизни везунчик, друг мой, – отозвался один из партнеров князя. – Олег, ты согласен? Или ерунду болтают, будто молодая княгиня – красавица?

Князь Леонид обернулся.

– Уже пора, я полагаю?

– Да, отец. Гости собрались, мы можем начинать.

– Но где же Анна?

– Уже идет.

Все игроки покинули помещение следом за князем Леонидом и его сыном.

– Как печально получилось, что Ее светлость подвернула ногу накануне бала, – посочувствовал кто-то.

– Да-да. Зато Леонид Иванович может быть спокоен – его супругу никто не пригласит сегодня на танец.

Князь Леонид и Олег украдкой переглянулись. Никто не

сомневалось в реальности травмы Анны, а значит, они все удачно придумали.

Все гости остались в зале, в то время, как хозяйева дома покинули ее на короткий миг, чтобы вернуться, уже ведя под руку Анну. Девушка сильно смущалась, заметно волновалась, отчего была бледна. Но гости вряд ли придали значение этой бледности, потому что Анна усиленно прихрамывала и даже пару раз поморщилась будто от боли.

– Бедняжка! – услышала девушка чей-то шепот в толпе. Голос явно принадлежал пожилой женщине.

– Не лучше ли было отложить этот бал. Что за удовольствие смотреть на танцы и не иметь возможности танцевать самой? – а это сочувствие высказано было уже молодым звонким голосом. С той же стороны тут же раздалось строгое "Ш-ш-ш!"

– Я не переигрываю? – тем временем спросила сама Анна у Олега.

– Нисколько, – отозвался молодой человек, едва разомкнув губы.

Князь Леонид и Олег помогли Анне пройти еще пару метров, потом остановились. Старый князь сделал глубокий вдох и произнес:

– Дамы и господа! Мои дорогие друзья и гости моего дома! Позвольте представить вам мою супругу. Княгиня Анна Трофимовна.

Девушка осторожно сделала реверанс. Выпрямилась. По-

чувствовала, как румянец заливает лицо.

– Олег, мне дурно, – шепнула она.

– Я отведу вас на террасу, с позволения отца, – с поклоном произнес молодой человек.

Князь Леонид ничего против не имел. Дав начало балу, он поспешил вновь вернуться за стол и взять в руки карты. Не стоило упускать возможность поиграть еще, раз уж старому князю так везло сегодня.

Поведение супруга немного удивило Анну. Она полагала, что князь захочет провести с ней весь вечер. Девушка думала, что старый князь не упустит возможности похвастаться молодой красавицей-женой, не упустит шанса украсить себя этим бриллиантом. Тем более, что все предыдущие дни они почти не виделись, если не считать совместных обедов и ужинов.

Когда Анна и Олег вышли на террасу, зала уже наполнилась музыкой, шорохом платьев и тихим смехом. В центре одна за другой образовывались пары, и вскоре все пришло в движение. Постепенно там становилось все жарче и жарче, и Анна порадовалась тому, что сегодня ей не придется переносить еще и это неудобство.

– Вам лучше? – спросил Олег.

– Да, благодарю.

Девушка рассчитывала, что они хоть немного постоят вдвоем с Олегом, и она сможет задать ему вопросы, которые накопились за недолгое время от начала бала. Однако почти

сразу за молодыми людьми на террасу вышли двое: пожилой мужчина, прихрамывающий на правую ногу, и девушка одних лет с Анной с волосами цвета пылающего заката.

Олег сразу узнал гостей. Поклонился мужчине, поднес к губам руку девушки, приветствуя их. Взяв под руку Анну, "помог" ей повернуться лицом к гостям.

– Матушка, позвольте представить вам графа Лаврентия Анатольевича и Руфину Модестовну.

Мужчина поклонился, девушка сделала реверанс. Поднявшись, Руфина Модестовна улыбнулась какой-то лисьей улыбкой и произнесла:

– Ну, зачем же так официально, Олег? Ни к чему Анне (вы ведь не против такого обращения) звать меня по имени отчеству. Пусть привыкает к нашей маленькой забаве и называет меня Маркизой, как и все в здешних краях.

– Если это не доставит вам неудобства, Маркиза, – отозвался Олег.

Руфина Модестовна улыбнулась ему немного кокетливо. Потом взгляд ее скользнул по лицу Анны, и девушка совершенно точно поняла, что само ее существование доставляет неудобство Маркизе.

– Позвольте выразить вам мое восхищение, Анна Трофимовна, – улучив момент, с поклоном сказал граф Лаврентий Анатольевич.

Анна улыбнулась графу, собралась вновь сделать реверанс, но внезапно обнаружила, что граф на нее уже не смотрит.

рит. Взяв Олега за руку, старый граф притянул его к себе и нежно обнял, словно родного сына.

– Олег! Как долго мы не виделись!

– Почти два года, Лаврентий Анатольевич.

Отстранившись от молодого человека, граф с интересом принялся разглядывать его.

– Почти не изменился. Нет! Совсем не изменился! Все так же хорош собой. И науками все занимаешься? Слышал, что это твоими трудами поместье поднимается. Ну, молодец, молодец. Вот повезло же Леониду! Такой сын замечательный. Не то что мои: двое, а толку ни от кого нет.

– Помнится, при нашей последней встрече вы хвалили Мелентия.

– Хвалил. А что еще остается, не могу же я сказать, что все свое состоянию бездельнику передам?

Олег нахмурился, словно не решаясь задать какой-то вопрос. Но граф понял ход его мыслей и с явной неохотой произнес:

– Жив, слава Богу, мой Василий, – месяца два назад письмо от губернатора получил. Бедствует, но живет мой блудный сын.

Олег заметил внезапную перемену в Анне, едва граф упомянул имя своего старшего сына. Не зная, чем объяснить волнение девушки, молодой князь решил отвлечь ее разъяснениями:

– Василий – старший сын Лаврентия Анатольевича.

Уплыл за море, и почти два года не было от него вестей.

– Нарочно не писал мне! – поспешил добавить граф. – Поссорились с ним, вот и решил вовсе о себе сведений не присылать.

– А про Юлию ничего неизвестно? – вмешалась в разговор Маркиза.

Олег уже качнул головой, когда граф вновь заговорил:

– Как же неизвестно? Губернатор написал, что хозяйка она в большом доме. С Василием дружбу водит. Счастлива, не иначе.

– Вот как... – с облегчением выдохнул Олег. – Но отчего же сама ничего не пишет?

– Этого не знаю. Могу адрес дать. Напиши, Олег. Вдруг отзовется.

Молодой человек согласился, хотя понимал, что если сестра до сих пор не единой строчки им с отцом не написала, то вряд ли станет отвечать на письмо.

"Ну и ладно. Главное, что жива и счастлива," – рассудил Олег.

– Но возвращаясь к моему бездельнику, – вновь заговорил граф. – Не окажешь ли ты мне услугу, мальчик мой?

– Все что угодно, Лаврентий Анатольевич.

– Займи моего Мелентия. Хоть на охоту возьми его разок. Знаю, что поссорились вы, но мочи нет его больше в доме терпеть. Хоть бы полдня в тишине да покое провести.

– Не вижу никаких препятствий к этому, Лаврентий Ана-

тольевич. А ссора наша такая пустяковая была, что я уж и думать о ней забыл. И Мелентий, надо полагать, тоже. Я заеду к вам завтра, поговорю с ним.

— Отчего же завтра? Вы можете поговорить прямо сейчас! — удивился граф.

Олег нахмурился. Мелентий был известным человеком в здешних местах. И, к сожалению, известным не с лучшей стороны. Особенно много неудобств доставляла его привычка приходить на балы тогда, когда его туда не приглашали. Впрочем, как ни старались упрекнуть его хозяева в плохом поведении, сделать это в открытую никто не мог. Молодой человек так ловко маскировал свой визит убедительными причинами, что не было никаких поводов выставить его за дверь без опасения прослыть негостеприимным.

Оставлять Анну без присмотра у Олега не было ни малейшего желания и права. Но и отказать старому другу в небольшой просьбе молодой человек не мог. Получив заверение Лаврентия Анатольевича, что княгиня не будет брошена в одиночестве, Олег отправился на поиски друга.

Как и предполагалось, свободные минутки между танцами Мелентий коротал в весьма приятной компании. Окруженный юными красавицами и их сопровождающими, молодой человек с упоением предавался тому делу, которое давалось ему лучше других: забавлял слушательниц полуфантастическими байками об охотах в дальних краях. Дамы слушали Мелентия с неизменным восхищением, замиранием

сердца и отчетливо проступавшим на их прелестных личиках желанием быть единственной и неповторимой для говорившего.

Да и могло ли быть иначе? Мелентий был чертовски хорош собой, обладал завидным чувством юмора, умел быть галантным и обходительным. Умел сказать то, что хотели услышать, и промолчать тогда, когда требовалось. К тому же он был потомком и единственным наследником древней дворянской фамилии и весьма внушительного состояния.

– И тогда я спрятался за кустами колючек, – расслышал Олег фразу.

Князь усмехнулся. Репертуар его друга с годами не менялся. Мелентий рассказывал все ту же историю про индийского тигра, что поражала внимание слушателей и год, и два, и пять назад. Лишь однажды история претерпела небольшие изменения. После обвинений настоящего охотника в "некоторых преувеличениях действительности".

– Он, конечно же, прыгнул на меня, но колючки задержали его, – продолжал тем временем Мелентий, не замечая подошедшего Олега.

Молодой князь решил не вмешиваться в представление. Он облокотился на спинку одного из стульев, образовавших круг возле импровизированной сцены, и продолжил так стоять до самого финального поклона. Аплодисменты, разумеется, тоже были. И кокетливые взгляды. И пара платков остались на полу возле ног молодого графа, когда большинство

зрительниц разошлись готовиться к следующему танцу. Мелентий осторожно поднял их, стараясь не привлекать внимания. Рассматривать кружевные платочки было опасно, поэтому он просто сунул их в карман, прокомментировав в том духе, что передаст их хозяевам, дабы те вернули их владельцам. Лишь после этого он обратил внимание на человека, пристально наблюдавшего за ним.

– Олег? Ты ли это? Или чудо-чудесное мне мерещится? – чуть нахмурившись, спросил Мелентий.

Молодой князь усмехнулся. Вдохнул. Покачал головой. А потом они с Мелентием дружно рассмеялись. О ссоре, в самом деле, уже было позабыто, и молодые люди крепко обнялись.

– Какими судьбами вновь в наших краях? – спросил Олег.

– Отец призвал. Письмо от Василия получил. Так обрадовался, что пригрозил больше ни копейки не дать, если в будущие владения жить не переберусь. Представляешь, он хочет, чтобы я тут всю зиму провел! Чтобы в столицу и носа показывать не думал! Всю зиму!!! – Мелентий грустно вздохнул и добавил почти траурно: – Вот случись нам опять поссориться, как я тут утешаться буду? Куда ни пойдешь – везде выследят и доложат папеньке.

– Так давай не будем ссориться, – предложил Олег.

Мелентий хмыкнул, скорчив задумчивую рожицу.

– А знаешь, друг мой... Это гениальное предложение. Настолько гениальное, что я приму его здесь и сейчас!

– В таком случае, прими и еще одно мое предложение. Об охоте. Послезавтра на рассвете.

– С превеликим удовольствием!

– Что ж. Вот и славно. Позволь попрощаться: пойду обрадую твоего отца.

– Так это по его просьбе? – мгновенно опечалился Мелентий.

– И по велению моего сердца также.

Олег похлопал друга по плечу, раскланялся и направился обратно на террасу. Но князь напрасно решил, что проделает этот путь в одиночку. Мелентий не только приходить умел без приглашения, но и игнорировать прощания.

– Так ты не танцуешь сегодня? – словно продолжая разговор, сказал молодой граф.

– Как и всегда.

– Ай-ай-ай! Этак ты никогда не женишься, Олег. Дамы не любят тех, кто не разделяет их светские интересы.

Олег чуть повернул голову, окидывая Мелентия оценивающим взглядом.

– Что-то не заметно, чтобы у тебя свадьба намечалась. При всей твоей любви к "дамским" интересам.

– А ты на меня не смотри. Я тебя все же моложе. Да и нет мне надобности добиваться свадьбы. Ты уж прости, но моя семья не в долгах.

Олег ничего не ответил. Отчасти по тому, что Мелентий был прав, и возразить было нечего. Отчасти по тому, что

примерно так же начался полгода назад разговор, который привел к ссоре. А ссориться Олегу с Мелентием сейчас совсем не хотелось.

До террасы молодые люди шли в молчании. На пороге им встретились Маркиза и Лаврентий Анатольевич. Мелентий поцеловал Маркизе руку. Спросил о танце. К несчастью, все танцы девушки уже были расписаны.

– В таком случае, дайте мне хотя бы совет. Как пережить мне это горе? – положила руку на "больное" сердце, прохрипел Мелентий.

– Не паясничать! – прикрикнул на него отец.

Маркиза и Олег с улыбками переглянулись. Мелентий виновато опустил голову. После этого граф и его спутница присоединились к парам на паркете, а Мелентий и Олег вышли из душевой залы.

Анна все еще была на террасе. Увидев Олега, девушка поспешила тут же оправдать Лаврентия Анатольевича, оставившего ее в одиночестве:

– Они с Маркизой уговорились танцевать. Заметили ваше приближение и, спросив моего позволения, ушли.

– Как ваше самочувствие, матушка? Быть может, вам стоит подняться в вашу комнату и отдохнуть немного? – чуть громче, чем требовалось, спросил Олег.

– Нет-нет. Я чувствую себя достаточно хорошо, чтобы остаться здесь, – с легким кивком отозвалась Анна.

– В таком случае, позвольте представить вам моего друга

– Мелентия Лаврентьевича.

Олег отошел в сторону, позволяя Анне увидеть молодого графа, а графу – молодую княгиню. Они приветствовали друг друга. Издалека, поскольку Мелентий отчего-то топтался в дверях, будто не решаясь подойти ближе.

Олег нахмурился. Это было слишком не похоже на его друга: смущение, стеснение, растерянность. Молодой князь терялся в догадках о причинах такого поведения. И уже стал изыскивать способы исправления положения, когда Мелентий все же сделал шаг вперед.

– Позвольте заметить, вы очень красивы, – каким-то не своим – очень спокойным и искренним – голосом произнес молодой граф.

– Благодарю, – вновь склонилась в реверансе Анна.

Когда девушка выпрямилась, Мелентий уже стоял возле нее. Все такой же непривычно спокойный внешне, он часто дышал и смотрел так пристально, что со стороны это казалось неприличным. Правая рука его была вытянута вперед, готовая коснуться хрупкой ладони Анны и поднести ее к губам.

Но молодая княгиня руки не давала. Заметно побледнев, она вглядывалась в черты лица Мелентия. Дыхание ее становилось чаще и глубже: как бывает, когда не хватает воздуха.

– Вы так... – прошептала Анна. Она резко поднесла руку к горлу, словно желая сорвать невидимую удавку. Но на шее у нее ничего не было, кроме кольца. Тогда, вцепившись в него,

девушка облизала пересохшие губы и попыталась заговорить вновь: – Вы так похожи на него...

Княгиня сделала резкий вдох, но желаемого он не дал. И девушка без чувств упала на холодный каменный пол.

Глава 8 (Анна)

Когда Анна открыла глаза, уже было светло. Должно быть около полудня, потому что в открытое окно ее спальни врывались потоки раскаленного летнего воздуха.

Девушка вздохнула, облизала пересохшие губы и приподнялась. В комнате она находилась не одна. Возле двери на стуле дремала Фаина. Анне показалось странным, что горничная не дожидается ее в гостиной, как обычно бывало по утрам. Единственным объяснением было то, что в гостиной ее караулил кто-то другой.

Выбравшись из-под одеяла, Анна тихо подошла к Фаине и легонько коснулась ее плеча.

– Госпожа?.. – сонно пробормотала служанка. Но тут же широко распахнула глаза, встала на ноги и с поклоном произнесла: – Простите, что потревожила ваш сон.

– Это не страшно. Я, видно, и так уже долго спала. Сколько сейчас времени? – поинтересовалась молодая княгиня.

– Уже второй час дня, Ваша светлость.

– А кто ждет меня в гостиной? Князь Леонид?

– Нет, госпожа. Его светлость всю ночь не отходил от вас. Олег Леонидович на силу прогнал его не более часа назад.

– Я, должно быть, сильно всех перепугала?

– Немного, Ваша светлость. Гостям объяснили, что это из-за вашей травмы. А господа между собой договорились, что

все от нервов.

Анна кивнула и попросила одеть себя. Через пять минут она вышла из спальни и улыбнулась Олегу, сидевшему с книгой в ее гостиной.

– Полагаю, обед я уже пропустила, – сказала Анна.

Молодой человек закрыл книгу, положил ее на стол и со вздохом поднялся.

– Сегодня так жарко, а ночь выдалась такой трудной, что обеда вовсе не было. Я поел здесь. Предлагаю и вам поступить также. Фаина, принеси княгине обед.

– Да, ваша светлость, – отозвалась служанка и тут же вышла.

Олег вытянул вперед руку и жестом предложил Анне подойти ближе. Когда это произошло, молодой человек взял обе кисти девушки в свои и очень тихо заговорил:

– Я все знаю. Отец рассказал мне про вашего возлюбленного. Про то, что его зовут Василий.

Анна опустила голову, не зная, что отвечать и стоит ли вообще что-либо говорить.

– Вы с ним прощались тогда, на берегу моря?

Девушка кивнула.

Вдруг Олег выпустил ее руки и коснулся подбородка. Еще мгновение и он поднял ее голову, вынуждая ее посмотреть на свое лицо.

– Вы больше не его невеста, Анна. Вы княгиня. Вы жена князя Леонида. Вы теперь часть совсем другого мира. Вы

понимаете это?

– Да.

– В таком случае... я никоим образом не прошу вас забыть вашу первую любовь! Я лишь прошу, чтобы вы помнили, что с той любовью вы уже простились. И если впредь вы будете терять над собой контроль из-за подобного, вы бросите тень и на себя, и на вашего супруга, и на весь наш... ваш род. Это не угроза, и не предупреждение, Анна. Это совет вашего друга. Вы понимаете?

– Да, – прошептала девушка.

Олег отпустил ее, позволив вновь опустить голову. Но Анна осталась стоять прямо. Ей даже хватило сил и самообладания, чтобы сдержать слезы.

Тем временем Олег отошел от нее. С минуту он молча стоял спиной к княгине, потом вздохнул и резко обернулся.

– Что вы думаете о Мелентии?

Анна не могла понять, какой реакции ждал от нее названный сын. Возможно, он предполагал, что упоминание имени молодого графа смутит девушку? Или Олег ожидал увидеть румянец на ее щеках? Так или иначе, но в ответ на вопрос князя Анна лишь пожала плечами. Ей очень не хотелось говорить правду, но молчать причин у нее не было.

– Я думаю, что он похож на Василия, – как можно спокойнее, чтобы дать понять Олегу, что его совет услышан и принят, произнесла Анна. Впрочем, она тут же поняла, что ответ не понятен, и добавила чуть дрогнувшим голосом: –

На моего Василия.

— Вот оно что... — протянул Олег. — А мы с отцом гадали... Впрочем, уже не важно. Не знаю, насколько заинтересует вас такое предложение, но мы с Мелентием завтра на рассвете собираемся поохотиться. Быть может, вы присоединитесь к нам?

— Я буду вам обузой. Я ведь совсем не умею ездить на лошади. Да и стрелять в дичь меня никто никогда не учил.

Олег ласково улыбнулся:

— Это ничего. Главное, что вы умеете слушать. Это умение в присутствии Мелентия куда ценнее всех остальных.

* * *

Мелентий явился на порог дома князя Леонида, когда солнце еще и не думало показываться из-за горизонта. Он хотел спрыгнуть с лошади и постучать в дверь. Но поглядев на темные окна, лишь в задумчивости прикусил губу: усадьба выглядела так, словно никто никого в этот час не ждал.

"А если все же охота намечается, то конюх-то уже должен быть на ногах," — справедливо рассудил молодой человек, потянул за поводья, и лошадь послушно двинулась в сторону конюшни.

Едва свернув за угол дома, Мелентий увидел подтверждение своим словам. Возле конюшни, кроме конюха, суетились еще пара мальчишек. Они таскали ведра с водой, какие-то щетки, возили сено. Спешившись, молодой человек взял лошадь под уздцы и решил подойти ближе.

– Эй, мальчик! – окликнул граф одного из помощников конюха. – А где князь?

– Придет с минуты на минуту, – раздался от дверей конюшни приятный женский голос.

Мелентий взглянул на силуэт в дверях. Ему показалось, что он прежде встречал эту девушку. Но видно обстоятельства их знакомства были совсем иными, потому что сейчас он никак не мог припомнить имя красавицы. Но если подумать, кто еще кроме Анны Трофимовны мог в этот час находиться на конюшне князя Леонида в охотничьем наряде?

Передав поводья мальчику, Мелентий подошел ближе. Теперь, когда свет падал на лицо девушки, он смог узнать ее. Выглядела она проще, чем на балу, но в этой простоте было столько очарования, что щеки молодого человека покрылись предательским румянцем.

– Доброе утро, Ваша светлость.

– Рада приветствовать вас, граф.

– Вы, стало быть, тоже любите охоту?

Анна рассмеялась:

– Моя прежняя жизнь была устроена так, что я не знаю ответа на ваш вопрос.

– Вот как?

Девушка пожала плечами. В этот момент мальчик с тачкой попытался проехать мимо, но господа стояли так, что сделать это было невозможно.

– Мы здесь мешаемся. Давайте прогуляемся к ручью, –

предложила Анна.

Пожалуй, Мелентий не отказал бы любой другой девушке, тем более что просьба отражала его желание. Но отойти к ручью с Анной значило бы скомпрометировать ее. И вместо того, чтобы согласиться, молодой человек лишь обронил:

– Вы совсем не боитесь себя скомпрометировать? Под покровом ночи с едва знакомым мужчиной...

– Я не подумала об этом.

Света из двери конюшни хватило, чтобы заметить смущение на лице Анны.

Через несколько минут пришел Олег. Уже стало светать, лошади были оседланы, так что ничто более не могло задерживать охотников.

В полях молодые люди провели около двух часов. Уставшие, но с достойной добычей Олег, Анна и Мелентий вернулись домой к самому завтраку. Стол уже был накрыт, старый князь сидел во главе него.

– Поздравляю, поздравляю! Знатный ужин сегодня будет, – приветствовал их князь Леонид.

Он с трудом поднялся, на ходу разминая затекшие колени, подошел к Анне и взял супругу за руку:

– Вы улыбаетесь, из чего я делаю вывод, что охота вам понравилась.

– Вы совершенно правы, Ваша светлость.

– Раз уж я встал, позвольте поухаживать за вами, моя дорогая.

Князь Леонид помог Анне занять место за столом. Мелентий и Олег расселись сами. Первые блюда были съедены в тишине. И лишь за чашечкой кофе князь позволил охотникам потешить друг друга забавными историями.

Часам к десяти завтрак и все разговоры были окончены. Старый князь сообщил, что намерен поработать в кабинете. Молодые люди отправились в гостиную. По дороге Олег сообщил, что должен подняться к себе на пару минут. Так что Анна и Мелентий, к величайшему удовольствию последнего, все же остались вдвоем и наедине.

– Я надеюсь, беседа с глазу на глаз не скомпрометирует меня, – произнесла Анна.

– Теперь день и мы в вашем доме, так что вы можете ничего не опасаться, – отозвался Мелентий.

Они с княгиней сели в кресла напротив друг друга. Граф сделал вид, что заинтересовался книгой, лежащей на столе. Но крутил издание в руках лишь для вида, изредка похмыкивая, словно читая что-то интересное. Мелентий хотел заинтриговать Анну, чтобы она первая заговорила.

Однако девушка молчала. И даже не смотрела на Мелентия, предпочтя молодому человеку цветочный узор на обоях. Перестав хмыкать, граф вовсе отложил книгу и стал в упор разглядывать Анну. Такого молодая княгиня стерпеть не смогла:

– Вы ведете себя неприлично.

– С каких это пор неприлично смотреть на красивую де-

вушку?

– С тех самых пор, как красивая девушка вышла замуж, – отозвалась Анна.

Мелентий усмехнулся. Поднявшись со своего места, он подошел к княгине и, наклонившись к самому ее уху, прошептал:

– И вы, и я, и весь свет знает, что ваш брак – не более чем удачная сделка.

Поскольку встать Анна не могла, она откинулась на спинку кресла, чтобы максимально отдалиться от графа.

– Сделка или нет – это ничего не меняет. Я супруга князя Леонида, – спокойно произнесла она.

– Но вы не любите его. Так почему бы вам не подарить свою любовь кому-нибудь другому? Тому, кто приглянулся вам с первого взгляда. Тому, кто любит вас.

Мелентий медленно выпрямился. Руки его были холодны, лицо – непривычно бледно, губы – пересохли. Он поймал себя на мысли, что сотни раз признавался девушкам в любви, но еще ни от кого не ждал ответа с таким нетерпением.

Впрочем, услышав ответ, Мелентий уже пожалел, что затеял весь этот разговор. Слова Анны ранили его сильнее и сильнее, чем могло ранить холодное лезвие кинжала, в руке преданного друга. И он предпочел бы оставаться в счастливом неведнии относительно ее мнения, чем разрешить все вопросы здесь и сейчас.

– А почему вы решили, что в моем сердце нет любви? И

почему вы решили, что приглянулись мне "с первого взгляда"? – спросила девушка.

– Но разве на балу, когда вы увидели меня...

– На балу вам могло что-то показаться. Но, уверяю вас, не вы были причиной произошедшего со мной.

Мелентий заметно нахмурился.

– Я замужняя женщина, граф. Прошу вас, не забывайте об этом.

Разговора они больше не вели. Когда Олег вошел в гостиную, Анна и Мелентий вновь сидели друг против друга, углубившись в чтение.

После прихода Олега беседа все же имела место. Вновь обсуждали охоту, минувший бал. По прошествии получаса Анна сослалась на усталость и ушла в свои комнаты. До самой двери своей гостиной она сохраняла спокойствие, двигалась медленно и уверенно. И лишь очутившись в одиночестве, девушка без сил рухнула в кресло и позволила слезинкам скатиться по щекам.

Глава 9 (Василий)

Свадьба Василия и Тамары состоялась семь месяцев назад. Пышное торжество с сотней гостей, не одним десятком музыкантов и миллионом бутылок шипучего вина, доставленного по личному заказу губернатора. Поначалу Василий опасался, что кто-нибудь из приглашенных может знать настоящего Василия Лаврентьевича и сообщить губернатору о подмене. Того же опасалась госпожа Юлия – молодой человек замечал некоторую нервозность в ее движениях. Ведь, случись правде открыться, Юлия Леонидовна пострадала бы также. Однако все шло своим чередом и прежние знакомые дворянина лишь подмечали, что он немного изменился от южного солнца, но все так же хорош собой.

После свадьбы Тамара и Василий заняли несколько комнат в доме губернатора, так что ночные часы, да и большую часть дня, они могли проводить раздельно, не пересекаясь и не тревожа покой друг друга.

Через месяц после свадьбы Тамара и Василий обрадовали губернатора известием о скором прибавлении в семействе. В благодарность за "добрую работу" Иван Константинович пожаловал Василию земельный надел и несколько тысяч золота, которые молодому человеку следовало пустить на строительство дома и организации хозяйства на доверенной земле.

О земледелии и строительстве Василий имел слабое пред-

ставление. Несколько дней он провел в раздумьях. Потом обратился за помощью к Тамаре. Ей, с детства имевшей дело с бумагами и делами губернатора, было проще все организовать. И по прошествии еще пары месяцев на земельном участке уже был заложен прочный фундамент будущего дома.

После свадьбы Василий почти не виделся с госпожой Юлией. Молодой человек опасался подозрений губернатора, что он предпочитает общество знакомой обществу законной жены. Юлия Леонидовна не возражала. Тем более, что и у нее были причины прекратить частые встречи с Василием. Лишь изредка на званых ужинах или редких балах они встречались и имели возможность сказать друг другу пару слов.

Повод нанести госпоже Юлии визит у Василия появился... вернее, должен был вот-вот появиться лишь завтрашним утром.

– Господин! – вбежала в гостиную служанка. На уставшем лице девушке были заметны капли пота, на переднике – свежие пятна крови.

– Родила? – тут же поднимаясь на ноги, спросил Василий.

– Да, господин. Девочка. Здоровенькая, хоть и недоношенная на два месяца. Но такая крупная!

Василий прикусил губу.

"Если бы, – подумал он, – служанки или доктор заподозрили неладное, они бы уже подняли переполох. Значит, обошлось. Значит, ребенка моим посчитали."

– А могу я увидеть ее? – спросил Василий. Не то, чтобы ему было интересно, но со стороны показалось бы странным, если бы такого вопроса он не задал.

– Дочку – да. А вот госпоже Тамаре требуется отдых. Доктор сказал, что ее до утра не следует беспокоить.

– Хорошо. Ты ступай. Я скоро подойду, взгляну на ребенка. Тамара Ивановна не сказала, как назовет ее?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.